

МАКСИМ ШЛЫГИН

Via Combusta

*Тихое
писание*

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

НА ПРАВАХ РУКОПИСИ

18+

Максим Шлыгин

Via Combusta

«Автор»

2018

Шлыгин М.

Via Combusta / М. Шлыгин — «Автор», 2018

Иногда приключения обрушиваются внезапно, когда мы их совсем не ждём. И ладно бы это были удачи, выигрыши, счастливая любовь! Но нет, всё наоборот — рушится устоявшийся бизнес, родные попадают в беду, тайные враги грозят расправой... Именно такие испытания подстерегают героев остросюжетной книги Максима Шлыгина. Её название «Via Combusta» переводится как «сожжённый путь». Так астрологи обозначают сложные ситуации, из которых способны выбраться лишь сильные духом... В мае 2021 году эта книга была удостоена Бронзового диплома лауреата Германского международного литературного конкурса "Лучшая книга года" (Buch des Jahres, Berlin, Deutschland).

© Шлыгин М., 2018

© Автор, 2018

Максим Шлыгин

Via Combusta

Via Combusta

Тихое писание.

“Разум, однажды вышедший за свои рамки, обратно в них не вернётся”.

Эйнштейн так сказал.

Или как-то так...

Все описанные здесь персонажи и события настолько вымышленные, что иногда даже страшно становится – насколько. А мнение героев может совершенно не совпадать ни с общепринятым, ни с личной позицией автора. Поэтому не помешает заранее выразить сожаление тем обстоятельством, что рукописи не горят. По мне так лучше б горели...

Часть первая.

Пролог первой части.

Москва. Парк Горького.

Наши дни.

Преобразился наш парк в последние годы, вы не находите? Всё на том же месте стоит, как и стоял, да только место совершенно иное. Может, вы и не замечаете. А вот я редко сюда выбираюсь. Частить здоровье не позволяет. Последний раз приходил, как полегчало; еще колесо обозрения крутилось и в туалетах было нехорошо. Да и возраст уже, знаете ли. Не вписываюсь я немного в поток. Тут ребятишек много: яркие, шумные такие, скорые. И всё колесят, снуют кто на чём: кто на четырех колёсах, кто на трёх, на двух, вон, на одном поехал, родимый. Молодцы, чего уж там, такое есть. Поэтому и воздух здесь не стоячий. Давно такого не было, снова дует. Они его и гонят. Может, оно и верно поётся, что он отсюда, с парка начинает ветер этот. Снова надувает... Много говорят сейчас о нашей городской среде, мол, должна она быть комфортной, динамичной, удобной. Весь город сейчас преобразается, что там говорить, не только наш парк. И мне отрадно, места как будто больше стало, света, воздуха что ли. Да позеленело ведь как! Вот только, не судите строго: он будто другим становится, парк-то наш. Не нашим, что ли? Общим, интернациональным; такое, наверное. Сейчас, вообще, всё быстрее меняется. Надо привыкать, хотя бы пытаться. Потому и пришёл. Они свой мир строят, ребятишки эти, под себя. И правильно, что под себя да под друзей своих. Это мы раньше с соседним двором дружбу-то водили, пешком туда бегали, вот ведь как. А ребятки эти, они же теперь словно парят над тропинками, сквозь границы дружат, не нужны они им, тесно. Нет для них границ; в голове, в душе их нет. Так для них сквозь мир да интернет колесить да дружить, что для нас на соседний двор бегать. Илюша мне говорит, что, мол, близко же всё, деда, шарик-то маленький. Он маленький, да на маленьком шарике, такая штука. Они другие, спору-то. К добру всё это, я вам скажу. Хожу, лицами любуюсь. Живыми, молодыми, красивыми, думающими... Хорошим стал наш парк. Ребятки хорошие. И спокойно, такое тут. Бывает, конечно, что кто и похулиганить решит, поприставать, как раньше. Но уже редкость, не принято здесь. Не дают таким развернуться. Вон, кстати, мальчишка пошёл, девочку повёл, прихрамывает малость. Только что сцепились, орлята. Не дал же малую в обиду, хоть и четверо их к ней

приставало, отнять чего-то из рук хотели. Озорные такие, дерзкие, не гляди, что им от силы лет по двенадцать. Молодец какой. И ведь не побоялся за незнакомую девочку вступить, хоть сам-то, шкет, не больше моего Илюши. Прочный характер смолоду, добро так. Говорю, не принято тут уже хулиганить, как прежде, атмосфера не та. Люди вокруг: именно общество людей, добрых людей, отзывчивых. Вот он, сынок, вступился, так что вы думаете? Рядом со мной, через лавочку, мужчина сидел, увидел да подскочил тут же, не дай бог чего. Обошлось вроде, несильно потолкались, не до юшки, разошлись. Но, смекаю, ведь не один этот мужчина такой. Может, я и не увидел других, кто так же повскакивал или наблюдал, готовый вмешаться. Однако были же они. Да и не мало, думается. Говорю же, здесь другое место теперича, люди другие, доброе место, с ветерком. Нет, что и говорить, хорошие у нас ребята. Дай вам бог, всем, здоровья. А мальчику этому вдвойне, пусть заживет всё поскорее. Девчушка тоже хорошая, видно, что сердечная, уж беспокоится за него. Оно, как вроде, подружились, такое дело. А синяки, сынок, до свадьбы точно заживут. Главное, берегите друг друга.

Глава 1

Монако, Монте-Карло.

Конец апреля. Где-то года три назад.

Неподалеку от маленького, скорее кукольного, как и всё в этом крошечном княжестве, парка принцессы Ан_тт, стоял на дороге мужчина слегка моложе средних лет, невысокого роста, с приятным и вместе с тем непривычно бледным лицом, сквозь кожу которого, особенно у висков, заметно проглядывала тонкая сеточка кровяных сосудов. Его гладко выбритая голова заметно контрастировала с довольно окладистой, черной и идеально подстриженной бородой. Ну а серые, холодные, даже скорее – ледяные, глаза с невыносимым пренебрежением смотрели на дорогу, на которой создавали толчею и ненужную суету многочисленные разношерстные туристы, прибывшие посмотреть на очередной этап королевских гонок. На рукаве его белоснежной сорочки из тончайшего и удивительно мягкого льна красовалась грязная серая полоса, оттенка благородной княжеской придорожной пыли. Заметив пятно, мужчина чуть не взвыл, но всё-таки нашел в себе силы отреагировать подобающе своему высокому статусу и лишь сдержанно выругался по-французски в сторону удаляющейся вниз по дороге группы путешественников с большими рюкзаками и фотоаппаратами. Эти туристы активно обсуждали что-то по-русски, характерно ш-кая и ч-кая, глядя друг на друга исподлобья и не замечая, что своим походным инвентарем практически перегораживают и без того узенькую аристократическую улочку. Попытавшись стряхнуть пыль с испачканного рукава, молодой человек расстроился еще больше: пятно только расплылось по ткани под его вспотевшей от переживаний ладонью. Скривив в брезгливой мине лицо, мужчина достал небольшой магнитный позолоченный ключ, нервно развернулся на месте и дёрганным, рваным шагом направился к двери элитного клубного дома, на которой висела красноречивая табличка "Private. For residents only." с изображением бело-красных ромбов герба Монако. По бородатому лицу было видно, что сия небольшая неприятность испортила настроение этой физиономии как минимум до конца дня, с претензией на неделю.

Фыркая носом, как обиженный бык, и продолжая бессмысленно потирать свой рукав, мужчина вошел в автоматические двери главного холла клубной резиденции, бросил пару повелительных слов седовласому услужливому консьержу и, зайдя в лифт, нажал на кнопку, ведущую на его личный этаж. Двери лифта тихо закрылись, и он мягко, практически беззвучно стал поднимать хозяина положения наверх с такой материнской заботой и осторожностью, словно хотел создать у него ощущение абсолютного блаженства просто от самого факта поездки на четырнадцатый этаж. Вознося пассажира к высотам неоаристократической роскоши подъёмный механизм выполнял и функцию видовой площадки, услужливо демонстри-

руя по пути роскошные виды на Гранд Марину и Дворец Гримальди сквозь свои изогнутые панорамные окна. Поднявшись на нужную высоту, лифт все так же незаметно и деликатно притормозил, открыл двери и мягким женским голосом сопровождал не обращающего никакого внимания на все эти ухаживания мужчину в его апартаменты.

– Добро пожаловать, мистер Алексей Вознесенский, – донеслось милейшее механическое приветствие из дизайнерского динамика.

Но вряд ли адресат принял это хоть в какое-то внимание, так как уже с порога своего фешенебельного двухуровневого пентхауса стал снимать с себя сорочку и грязно материться.

– Вашу мать, долбанные пришельцы. И досюда они добрались, ну что ты будешь делать. Насмотрятся всякого бреда, сто долларов накопят и прутся. Господи, да есть ли хоть один уголок в мире, где эти голодранцы не будут ходить по улицам и гадить приличным людям. И если оно не в Монако, то, сука, где? Не надо было вообще на Лазурку на этой неделе лететь. Приличное место превратили в дурдом, ей-богу. Нашествие зомби какое-то. Блин, опаздываю...

Алексей Вознесенский был очень успешным, по нынешним меркам, предпринимателем так называемой новой волны. Он достаточно рано, по сравнению с другими своими соотечественниками, сообразил, что на бескрайних просторах Интернета можно не только развлекаться и убивать собственное время, но и зарабатывать. Очень даже неплохо зарабатывать. Ведь, как он сам считал, тот, кто владеет трафиком, владеет миром.

Поэтому, сколотив небольшой первичный капитал на продаже сотовых телефонов в одном из невеликих ларьков радиорынка, Алексей переориентировался и стал собирать по просторам Интернета заблудшие сетевые души, а потом их выгодно продавать в виде трафика ничего не понимающим в этом клиентам.

Время было такое, что заказчики с большой охотой покупали у обладателя красного диплома главного столичного университета этот трафик, даже не особо заостряя свое внимание на том обстоятельстве, что на одну живую Интернет-душу приходилось до сотни, а местами и до тысячи, абсолютно не живых. Накручивая ботами счетчики сайтов своих ничего не соображавших клиентов, Алексей не испытывал ровным счетом никаких угрызений совести. Может, потому, что время было, опять же, такое, а может, потому, что на фоне всех остальных Интернет-магия Алексея выглядела откровенно невинной забавой. Однако бизнес предпринимателя рос настолько интенсивно, что уже через пару-тройку лет на него уже работало несколько деревень крепостных вэб-мастеров со всего бывшего Союза, а его банковские счета не переставали ежедневно радовать своего хозяина. Ну а когда бизнес Вознесенского занял чуть ли не монопольное положение в своем сегменте, стало возможным расслабиться, что называется, по полной, ведь клиенты стали приходить уже как бы сами по себе.

Возможно, из-за внезапно свалившегося богатства, а возможно, по какой другой причине, но это отразилось на и без того подвижной психике Алексея, гармонично дополнив её такими достоинствами, как вспыльчивость, мания величия, и наградив заметным дефицитом терпения. Впрочем, отсутствие последнего сам Алексей считал своим наиважнейшим конкурентным преимуществом, часто повторяя, что именно из-за своего природного долготерпения и столетиями сформированной привычки кому-то служить из сердечных русских людей получают никудышные бизнесмены. А Вознесенский считал, что он совсем не такой. Настоящий успешный предприниматель, с позиции бизнесмена, должен рвать и метать, клевать и потрошить, но ни в коем случае не терпеть, не страдать и не служить. Бизнес должен приносить деньги и только – вот в чем его единственная задача. Жизнь ведь так коротка, чтобы тратить её и без того сильно ограниченное время на страдания и тренировку выдержки.

Поэтому Алексей старался брать от жизни все, что только мог себе позволить. И по началу он обзавелся неплохой собственной двушкой практически в центре Москвы, с видом на Триумфальную арку и холмистый рельеф Поклонной горы. Затем наступил черёд маленького, но громкого и по-спортивному зализанного автомобиля, на котором владелец чуть не

ежедневно стал объезжать все столичные стрипушники и прочие увеселительные заведения, особо гордясь наличием собственной карты постоянного особого гостя в каждом из них.

Нет, этот дядя был совершенно не глупый и не опутившийся на дно жизни субъект, ни в коем случае. Напротив, это был высокоинтеллектуальный молодой человек, образованный, местами начитанный, с отличием закончивший факультет самых точных на свете наук главного учебного заведения страны. Просто Алексей крайне, крайне не любил врать, и в первую очередь, врать самому себе. Тратить время на сомнения, вопросы о смысле жизни, испытывать томления души и заводить себя в интеллектуальные тупики и ловушки ему было в абсолютной степени не свойственно. Поэтому свой стиль жизни он ёмко называл «жить по чесноку». По чесноку, в понимании Алексея, значило, что в конфликте между реальностью и идеальностью неизбежно победит суровая правда жизни, хоть ты тресни. Есть, пить и размножаться хищным приматам жизненно необходимо на уровне заложенных инстинктов, как ты ни крути; и это основа. Поэтому как весьма состоятельный и половозрелый самец Алексей не видел ничего зазорного в том факте, что ему нравились, действительно очень нравились юные представительницы противоположного пола. Ну а так как половозрелых самцов природа наделила неотъемлемым свойством полигамии, то Алексей и жил в полном согласии и с природой, и самим собой. И, надо сказать, что и в прошлые-то века в любом обществе хватало девушек, спокойно принимающих правила этой нехитрой игры, а в наше непростое время их было предостаточно и давно.

Поэтому Вознесенский сравнительно быстро прошел все уровни сложности столичных борделей: от нижних масс-маркет стрип-холлов, где в кальянном дыму под ритмичную музыку крутились на шестах длинноногие пластичные красавицы и устраивали топлесс-шоу юные официантки, до уютных комфортных приватов, где все тот же особый вид искусства был предназначен для созерцания лишь персонально заказчиком, да ещё и с правом выкупа в «увал». Отсюда, купленная им квартира простаивала, так как её хозяин просто дотуда не добирался, плавно перемещаясь с очаровательным эскортом из приватов напрямик до отельных номеров, располагающихся аккуратно на верхних этажах подобных заведений. Когда же настроения куда-то мотаться у Алексея не было, и хотелось остаться дома, то в его телефоне всегда можно было отыскать в недавних вызовах номера типа «Паша-персонал» или «Герман-кадры», по звонку на которые услужливые поставщики специально обученных человеческих ресурсов оперативно организовывали на квартире у Алексея привычное ему качество жизни.

И опять же, Алексею с его рациональным суждением был не свойственен нигилизм ни в какой форме социального протеста. Более того, человек он был в какой-то степени духовный, хотя и не ассоциировал себя ни с одной из существующих конфессий, видя в каждой из них для себя как здоровое зерно, так и смысловые шероховатости. Единое духовное Начало, конечно же, он осознавал и принимал для себя очень чётко, так же не стараясь себя каким либо образом обмануть в этом вопросе; это же есть, хотим мы или нет. Однако ввиду своей внутренней честности, Алексей всё-таки предпочитал разделять понятия истинной духовности, как собственной бессознательной внутренней потребности, и церковной реальности, где, зачастую, духовность уже теряла свое высокое предназначение, превращаясь в тривиальный общественный институт власти. Представители этой организации, кстати, неплохо монетизировали опиум для народа, с каждым днем оказывая все больше и больше платных услуг там, где, вообще-то, денег брать как-то не по-людски. Хорошо это или плохо, Алексей даже не старался задаваться таким вопросом, рационально рассуждая, что истина всегда посередине и у каждого своя правда, ведь на бобах и воде держать священнослужителей тоже негоже.

В этом смысле, многовековая финансовая модель храмовой самоокупаемости в форме обогащения на духовных потребностях потока прихожан натолкнула Алексея на простую и старую, как мир, мысль о собственном свечном заводике. Только не в реальности, конечно. Ведь доходы, которые Алексей получал от продажи трафика таких же прихожан в Интернете,

все-таки становились со временем уже не те и не устраивали возросшие потребности собственника бизнеса. Поэтому он, недолго думая, решил, что лить воду на чужие мельницы есть не самая выигрышная бизнес-стратегия и пора бы заворачивать трафик на что-то своё.

Своё, так своё. Тут, как оказалось, снова не надо было долго думать, так как все было придумано задолго до рождения Алексея. Раз опиум для народа хорошо продавался на планете многие тысячи лет, то значит и в Интернете аналогичные продажи неизбежно должны быть высокими. Поэтому наш герой тут же сконцентрировался на создании своих собственных, как он говорил, «виртуальных наркотиков», тем более что до их оборота в просторах сети правоохранительным органам какого-то особого дела тогда не наблюдалось. В ход были запущены примитивные виртуальные опиаты, от порталов со всякими непристойностями до различных сетевых игрушек: гоняющих или стреляющих – не важно. Главное, чтобы пользователь сидел на виртуальной наркоте плотно и, боже упаси, ни в коем случае не отвлекался от процесса игры, естественно не бесплатно. Тут Алексей достаточно быстро нащупал золотую жилу, и жизнь стала куда более интересной и красочной.

Теперь уже не надо было чувствовать себя стесненно в прокуренных и забитых подвыпившими посетителями столичных клубах и блидьюшниках, а можно было себе позволить улететь на частном самолёте, скажем, на И_цу, и уже туда заказать необходимые подготовленные кадры на недельный загульный средиземноморский опен-эйр. Для Алексея все шло по чесноку и без головняка. Вечеринки сменялись гулянками, гулянки – вечеринками, схема была отработана, менялись только обстоятельства и окружение, в котором с каждым разом прибывало все более и более элитных лиц; новых друзей, партнёров, эскортниц, всех. Алексей внутренне рос над самим собой, превращаясь из молодого успешного прыщавого выпускника в зрелого серьёзного дядьку-предпринимателя, который, зарабатывая на самом нижнем уровне человеческих пороков, стремился попасть в самое высокое и рафинированное общество.

Этому необременительному пути не мог, да и не должен был помешать никакой внешний раздражитель, при полном отсутствии внутренних. В полном согласии с Алексеем рос трафик, конверсия на электронных наркотиках была высокой, количество и расположение банковских счетов уже с трудом помещалось в его голове. А выписанные с разных концов света красавицы, задачей которых было как-то скрашивать такие тяжкие будни рабочего человека, регулярно менялись вахтовым методом, не вызывая особого привыкания. Даже совсем не необходимая, скорее ритуальная, женитьба, что характерно – по настоянию мамы, исповедующей традиционные семейные ценности, для Алексея не меняла ровным счетом ничего. Ну, жена, и что? Как это может поменять тысячелетиями сложенный порядок вещей?

Отца у Алексея не было. Точнее, биологически он, конечно же, был, а вот в реальной жизни, сколько Алексей себя помнил, он так ни разу его и не видел. Как и свидетельств его существования, кроме, наверное, фамилии, которую он носил. Ни дедушки, ни бабушки, ни одной живой души по отцовской линии не наблюдалось. Студенческие ранние браки не всегда удачны, это даже статистически очевидно. Но для Алексея это было, опять же, ни хорошо, ни плохо.

Никак. Ввиду полного отсутствия отца в голове не было ни почвы для пресловутого конфликта между отцом и сыном, ни накопленной обиды от неразделенной любви. Пусто. Нормально, как справедливо считал Алексей, нормально. Природой был обеспечен Алексею абсолютный баланс в этом отношении; ни любви, ни тоски, ни жалости. По-первости это, конечно, создавало определенные трудности в общении со сверстниками, как с мальчиками, так и с девочками. Всё-таки, женское воспитание при отсутствии мужского давало о себе знать неким заметным снижением мужественности, местами до малодушия и трусости перед лицом жизненных передраг. Но, пройдя так или иначе эти испытания, Алексей с удивлением отметил, что отсутствие заложенной в детстве мужской модели поведения предоставляло ему определенные преимущества во взрослой жизни. По крайней мере, у Вознесенского было право выбора. И

если бы настоящий мужчина в каких-то ситуациях мог поступить только как настоящий мужчина, то наш герой в аналогичных ситуациях мог выбирать. И, зачастую, именно женский, мамин, подход к решению каких-то вопросов в итоге оказывался максимально выигрышным.

Поэтому, отказать докучливой маме в ее невинной просьбе Алексей не мог да и не хотел, ведь он прочно стоял на ногах реальности и понимал, что для его круга делового общения он будет гораздо понятнее в статусе женатого мужчины. Посему, когда мама в очередной раз пригласила в дом незнакомую «очень хорошую девочку из приличной семьи», которая была на удивление совсем не дурна собой и приятна в общении, Алексей не стал сопротивляться, ведь чему быть, того не миновать. Да к тому же, как оказалось позднее, эта девушка была с Алексеем очень похожа в одном – в понимании, что мир не идеальный, а реальный, и что правде надо смотреть прямо в глаза, какая бы она ни была. Поэтому, если хочешь одеваться в последние коллекции мировых дизайнеров, посещать самые лучшие косметические салоны и питаться исключительно в ресторанах высокой кухни, то надо быть паинькой и принимать определенные правила игры, закрывая на это глазки и не задавая вопросы, на которые не хотелось бы получать честные ответы. Тем более что в распоряжении новоиспечённой жены оказывалось достаточно большое хозяйство, включающее две столичные квартиры, виллу в И_ии и апартаменты в Р_ме, П_же и П_ге. Родственникам жены так же быстро нашлось по тепленькому посту в мутных корпоративных структурах мужа, что достаточно быстро зацементировало их негласный малосемейный договор, в котором рациональный подход прочно занял место всяких ненужных условностей.

Женатый сын и его молодая и скоро забеременевшая жена страшно радовали маму Алексея, которая уже вовсю хлопотала, предвкушая, как будет нянчиться с долгожданным внуком. Жилплощадь пришлось срочно увеличивать, добавив к хозяйству ещё и роскошный особняк в Раздорах. Родители жены, в свою очередь, так же чуть не боготворили своего благодетеля, ведь все были при деле. Да к тому же их любимая дочь, в окружении многовековых сосен и прислуги, в собственной усадьбе, могла с комфортом сосредоточиться исключительно на заботах по вынашиванию первенца и кормлению досыта всех сопутствующих женских страхов. Все это создавало вокруг Алексея абсолютно комфортную для него атмосферу, где он мог совершенно честно продолжать жить той жизнью, к которой так быстро привык. Ведь всем вокруг было чем заняться, и все в самую последнюю очередь задумывались, чем занят их основной спонсор. Главное, лишь бы в его делах все было хорошо, тогда и всем будет хорошо.

А щедрому кормильцу это было очень кстати и даже подпитало его высокую самооценку, которая говорила, что он не просто состоятельный и успешный мужчина, а заботливый отец большого семейства, независимо от того, с кем и где он проводит свое дневное и ночное время. Это несущественный и малоинтересный нюанс.

Меж тем годы шли. Бизнес Алексея, впрочем, как и его сын, рос и продолжал радовать, хоть и заметно меньше. Ровно так же, не в полную меру радовали и, казалось бы, улаженные семейные обстоятельства, так как отсутствие заботливого отца на короткий срок может вопросов и не вызывать, но Саше уже семь стукнуло и в первый класс идти в этом году. А папу мальчик видел в своей жизни от силы несколько месяцев в общей сложности. Поэтому на подогретый мозг Алексея уже с регулярным постоянством прилетали прохладные капли как со стороны мамы, так и со стороны жены, уже не готовой полностью мириться с устоявшимся положением вещей. Семейные раздоры накладывались на проблемы в деловой сфере, где у Алексея заметно прибавилось головняка. В прежде свободном от какой-либо цензуры Интернете, появился регулятор, и виртуальные «свечные заводи» с электронными наркотиками стали блокироваться с назойливым постоянством. Само по себе это было не так волнительно, так как тут же появилась и масса способов, позволяющих обходить любые блокировки.

Самое неприятное заключалось в том, что все вдруг как с цепи сорвались, и тема электронных наркотиков стала вовсю обсуждаться на самых разных уровнях, от газетных полос

и блоггерских страниц, до высоких правоохранительных кабинетов. И буквально в одночасье прежде тихая, незаметная игровая и развлекательная индустрия, приносившая такие стабильные и хорошие барыши, превратилась в рассадник общественной безнравственности, терроризма и потенциальных душевных болезней, как будто этих душевных недугов было меньше до её появления. И всё в делах Алексея стало не просто. Особенно после скандала с «райскими документами», после которого ему срочно пришлось перестраивать всю структуру компании, убирая оттуда свои уши, где только возможно. Но тот пожарный режим, в котором Алексей, как он говорил, вырезал новую матрёшку, создавая длиннющий каскад компаний-прокладок, из-за которого было практически не реально рассмотреть в Алексее конечного бенефициара, давал повод подозревать, что ошибки и недочеты в матрёшке все-таки были. И это так же капало на воспаленный семейными проблемами мозг.

Желание как-то реабилитироваться перед семьей за свое отсутствие в процессе воспитания сына, привело рационального и честного с самим собой бородатого парня к удивительному решению. Нет, само по себе решение было очень понятным и даже ожидаемым, если хорошо понимать Вознесенского и типичный ход его мысли. Но все-таки, в обычном понимании, было в этом совершенно рациональном решении что-то неуловимо неестественное. А решение, по отцу Алексею, было простым: подарить сыну, готовящемуся пойти в первый класс, квартиру. Проще говоря – заботливо откупиться. Ну а чтобы откуп был воспринят семьей правильно, с должным уважением, Алексею пришла в голову мысль приобрести квартиру именно в Монте-Карло, и именно ту, на пороге которой он сейчас стоял и резкими движениями пытался снять с себя рубашку, от коей пулями отлетали пуговицы и катились во все стороны. А чтобы эта квартира не пустовала, пока сын будет расти и настанет день, когда она ему сможет понадобиться, Алексей решил начать использовать ее для своих нужд, приобретя вдобавок гараж на два автомобиля, два автомобиля и яхту. Правда, сделка по яхте была еще не закончена, и именно на нее уже опаздывал лысый бородач.

Толкнув ногой дверь в гардеробную комнату, Алексей подошел к стеллажу с одеждой и, достав оттуда ровно такую же свежую и накрахмаленную сорочку, стал застегивать её на себе трясущимися от внутреннего напряжения пальцами. По всему было видно, что при внешней успешной и сытой жизни для Алексея что-то шло не так, раздувая несвойственное ему ощущение головняка. Застегнувшись, он осмотрел себя в зеркале, поправил окладистую бороду и пошел на выход, пальцами левой руки проведя по роскошным женским платьям, висевшим длинным рядом напротив его стеллажа; все-таки есть в жизни что-то хорошее. Полочек с детской одеждой в гардеробе не было.

Выскочив из апартаментов, он быстрым шагом направился к лифту, который, словно верный конь, так и не сдвинулся с места, ожидая своего хозяина. А через минуту Алексея уже встречал у выхода все тот же услужливый седовласый консьерж, передавая в вежливом наклоне ключи от припаркованного за стеклянной дверью карамельно-красного и мускулистого F_i I_a.

Глава 2.

Монако, Монте-Карло.

Конец апреля. Где-то года три назад.

Ресторан “L’ M_e”.

В открытом не так давно ресторане средиземноморской рыбной кухни, которая, по слухам, уходила своими европейскими корнями куда-то вглубь московских кулинарных традиций, сегодня было по-настоящему многолюдно. И было это, по местным меркам, скорее необычно, так как ресторан такого класса должен был очень сильно постараться, чтобы сформировать за такой короткий срок столь обширную базу постоянных клиентов. А в том, что они были именно

постоянные, не возникало ровным счетом никаких сомнений, ведь практически каждого входящего в ресторан человека владелец ресторана по-дружески обнимал и долго жал руку, с неподдельным интересом о чём-то расспрашивая. И, лишь получив необходимые ответы и тепло похлопав посетителя по плечу, он передавал его в заботливые и гостеприимные руки высокой и по-настоящему красивой женщины-хостесс средних лет, которая очень походила на жену владельца заведения. И для Алексея, судя по всему, равно как и для его роскошной светловолосой спутницы, владелец ресторана был так же хорошо знаком. После привычных объятий в европейском стиле и крепких рукопожатий в русском, владелец показал рукой в сторону двери, выходящей на веранду, и с мягкой улыбкой сказал:

– Лёша, вон туда. Игнат тебя уже ждёт.

За крайним широким столиком на открытой террасе сидел породистый молодой человек с роскошными длинными волосами. Эти блестящие русые пряди слегка спадали на его скулы, делая красивое овальное лицо еще более вытянутым и аристократическим. Большими, немного влажноватыми голубыми глазами стройный незнакомец разглядывал меню ресторана, переводя взгляд с аппетитных описаний изысканных блюд на свои утонченные и ухоженные руки и обратно. В тонком нежно-голубом лонгсливе с накинутым на плечи светлым мягким свитером цвета фисташковой зефирки молодой человек создавал немного двоякое впечатление видимой мужественности, глубоко упрямой в строгий благородный, скорее женственный, футляр. А то, что молодой человек был голубых кровей, было видно даже не вооруженным глазом; за столиком, словно смотря через меню во Вселенную, сидел молодой принц, и не возникало никаких сомнений, что у него есть не только белый конь, но и, как минимум, половина царства.

– Здравствуйте, Игнат! – сказала стройная длинноволосая спутница Алексея и поприветствовала его мягкими прикосновениями своих ямочных щёчек к правой и левой скулам принца. – Как вы себя чувствуете?

– Да ничего, спасибо, я в порядке. Привет, Лёш, – и молодой человек крепко пожал руку Алексея. – Как сам?

– Котя, я отойду ненадолго? – спросила разрешения девушка ангельским голосом и потрепала Алексея по лысой голове. – Скоро приду, – и, нагнувшись к уху Алексея, тихонько добавила. – Что-то мне животик крутит...

– Давай, приходи, – небрежно бросил Алексей и невозмутимо продолжил разговор с Игнатом. – Да ничего, норм. Башка только гудит, народу много. Я же не ожидал, что тут половина Москвы на гонки собирается. Прибавь к этому ребят с К_ва, М_ска, с А_ны парни, с Б_ку... Слушай, как будто и не уезжал никуда, все те же и Герасим. Кстати, и он тоже здесь, в «Б_дде» отмокает.

Мужчины улыбнулись неожиданно получившейся шутке, и Алексей продолжил.

– А это там твои, что ли, спортсмены? – и он показал взглядом на сидевших за угловым столиком плечистых телохранителей, как-то связанных, наверное, друг с другом в коллективный разум белой провололочкой-пружинкой, торчавшей у каждого из уха.

– А, ты про мальчишек? Мои.

– Упитыши. Чем ты их кормишь?

– Надо спрашивать не «Чем ты их кормишь?», а «Ты их кормишь?!» Да пусть кушают, мне спокойнее как-то. А у стипендиатки твоей, я гляжу, грудь прижилась?

– Да, блин, со второй попытки. Она теперь дороже всего остального стоит.

– Ну, зато смотрится очень даже. Очень даже. Ты ей только грудь делал или еще чего?

– Не, титьки и губы – это основное. Осталось так, по мелочи, нос чуть-чуть подправить, уши подстричь. Ерунда, в принципе, основные капзатраты понёс. Сам не знаю, зачем я ввязался в этот ремонт. Дарю женщинам деньги по пьяни, есть за мной такая фишка. – и Алексей

хмуро улыбнулся, глядя в сторону бурлящего туристического безумия на площади и Гранд Марины.

– Ясно. А как жена, как сын?

– Тоже нормально, на даче висают пока. Сейчас вернусь, надо будет куда-нибудь их вывезти, – и видимо переводя разговор с неловкой для него темы, Алексей поправил под собой стул и бодро спросил. – Так, друг, ну что, ты чего-нибудь заказал уже?

– Я вот думаю, взять ли мне морского волка в соли или омара. Наверное, остановлюсь всё же на омаре... – Игнат заглянул в роскошно оформленную достаточно увесистую книгу карты вин. – И, пожалуй, вот это выдержанное Шардоне. Ты как, поддержишь по бокальчику?

– Не, дядь, это вон, девочка у меня по таким вещам сейчас прицокает. Я, если честно, устал тут от всего. Вот веришь – нет, хочу просто варёной картошки со шкуркой, селёдки, наверное, да и водки снова. А на десерт у них тут медовик вкусный.

– Ты в Монте-Карло, а не в своём задрипанном Замкадье! Картохи ты и на родине налопаешься. Давай устрицами разгонемся?

– Старик, говорю же, наелся уже за свою жизнь. Да и настроение не то...

– Малыш, ты денег, что ли, с собой не взял?! – с иронией поддразнил приятеля Игнат.

– Ха. С меня сейчас тут за картошку отварную срубят, как за твоего омара! Уже проведено. Киска притопает и тебя по вину поддержит, я думаю.

– Ясно. Депрессуй, короче, сам. Говей, а я нормально покушать хочу, – и Игнат, подозревая к себе седоволосого невысокого официанта, надиктовал ему по-французски свой заказ.

– А мне всё как вчера принесите, пожалуйста, – небрежно бросил официанту по-русски Алексей.

– Да, непременно, – ничуть не смутившись и так же по-русски ответил ему официант. – Приносить по мере готовности?

– Ага, только водку попроси шефа готовить побыстрее.

Официант услужливо кивнул и отправился на кухню; там, перед входом стоял длинный стол, где на кусочках колотого льда ежедневно проводилась выставка местного рыбного изобилия.

– Так, ладно, Лёш, ты берешь мою лодку или нет? – посерьёзнев, спросил Игнат.

– За единицу отдашь?

– Не, за единицу дёшево. Один и семь.

– Я же у друга беру, а не с улицы. Единица – очень хороший ценник.

– Слышишь, друг, мы не на базаре. Один и семь. Да-да, нет-нет. Ты же раньше не особо торговался. Что, совсем твоя электронная дурь не продается? Так ты скажи, может я чем помочь смогу.

– Да нормально всё, просто один и семь за твою лодку – не в рынке.

– Ладно, Лёх, я тебя услышал. Ешь свою картоху, катайся на самокатах, лодку я за один и восемь Камиллю отдам, закрыли вопрос. Для тебя, как я понимаю, не горит. А когда созреешь, обращайся. Подберем для тебя бюджетный вариант, раз у тебя сейчас в бизнесе не просто. Я слышал, тебя заблокировали?

– Гнат, не дави, а. Я понял, подумаю. На следующей неделе отвечу, – сказал Алексей и улыбнулся вовремя принесенному графину с водкой, тарелке с холодными закусками и покрывшейся плотным креозотным инеем рюмке. – Да, с прошлой недели прошлись с блокировками по всем: по игорке, по порнухе, по пиратке, широко так прошлись. Не только по мне, но по мне тоже. Банкинг хотят даже прикрыть для исходящих за рубеж транзакций.

– И что теперь?

– Да ничего, в принципе. Перестроились, зеркала подняли, взб-клиента с плавающим адресом. Да и на старые домены трафик приходит, с анонимайзеров, из луковицы, из чеснока, VPN, дырок-то уйма. Платежи через электронные квази-деньги будут проходить, через крипто-

кошельки и койны там всякие. Просто масс-маркет сейчас еще не привык, и когда самый простой вариант отрубили, было непонимание. Но, дядь, кому надо, тот найдёт удобный ему обход. И это не проверить и не проконтролировать – на контроль больше ресурсов государственных уйдёт, никакого экономического эффекта. Я только, в принципе, не понимаю, зачем они это делают? Это же всё равно, что ссать против ветра. Ну, заблокировали, и чего? Как всё было в сети, так и осталось. Как люди искали это, так и ищут, просто другими способами.

– Так, Лёх, считается, что это не нормально. Не морально, что ли. Есть же пределы. Была грань, всегда была. Ты был за гранью, но, какое-то время никому до тебя дела не было. Сейчас есть. Терпи, пока терпится. Ты в хай-риске, выше риск – выше премия. Ты же не здания строишь, как мы. Ты электронные наркотики разрабатываешь и толкаешь. А наркотики – это зло, во всяком случае, на родине.

– Слушай, я понимаю, тебе легко рассуждать, у тебя консервативный бизнес. Ты дом построил – это морально. Дорогу или мост – опять морально. Детский сад – вообще молодец! Но ты просто повторяешь то, что кто-то уже придумал, понимаешь? Кирпич изобрели чёрт знает когда. А я разрабатываю новые сетевые продукты, которым в мире и аналогов-то нет. Какая, блин, кому разница, как хочет развлекаться человек, наш он или иностранец? Хочется ему – пусть играет, пусть шпилит или катает. Какое кому дело?

– Ну, до того, как там морально разлагаются за рубежом, дела, конечно же, никому нет. Главное, что разлагаются. Вон мы им оружия на бешеные миллиарды продаем каждый год, и считается, что так и должно быть, хоть они потом из него друг в друга и стреляют. Но ты же из своих «бананов» не только иностранцев таргетируешь электронной наркотой, ты же ещё и от наших кормишься, в большей-то степени. А тут тебе не Европа просвещенная, сам понимаешь. Тут другие понятия о традиционных ценностях и морали.

– Вот знаешь чего я не могу понять, Игнат? Мир, он же не идеальный совсем. Он реальный. Ты можешь сколько угодно говорить о высокой морали, но ты выйди на улицу, такой идеальный. Наркотики... Ты кофе, вон, с сахаром пьешь, а сахар – зло, наркотик самый настоящий, с привыканием. Как и кофе, ё-моё. Сейчас омара солёного будешь кушать и коленками хрустеть от отложения солей потом. А вечером тупо сядешь телек смотреть с электронной сигареткой, потому что продюсеры тебе специально подсовывают такой контент, который вызывает привыкание, что приносит максимальные рекламные бюджеты, ведь ты же развлекаться хочешь, а не расстраиваться...

– Лёх, да это всё понятно, всё лекарство и всё яд. Но считается, что твоя электронная дурь так затягивает, что человека разрушает, семьи. Сейчас же детям уже не сказку рассказывают, чтобы отвлечь, а тупо планшет включают. Причем включают для того, чтобы сами в твои танки гонять или овец растить.

– Ну и что? А до этого, типа, на Руси, всё ровно было? А я тебе скажу, что на Руси, чтобы дитё отвлечь, кукол делали из соломы и розги из кожи. И было у дитятки только два варианта: либо сидеть тихо с соломенной куклой, либо создавать суету и получать по спине розгами. Вот как моральнее, как честнее? Как было или как стало? А что, если новости смотреть, где тебе заведомо формируют образ врага, это хорошо? Это человека не разрушает изнутри?

– Слушай, так можно чего угодно оправдать, Лёш. Ты умный парень, но протестант по сути. Сейчас свободный ветер разогнал тебя и шмякнет хорошенько об стену. А смысл очень простой, старик – эффект осаждённой крепости. Может, тебе и странно от меня такое слышать, но идёт война, большая, кровавая экономическая война. Там крепость осаждена, снаружи поддавливают, и, чтобы выдержать осаду, внутри крепости не приветствуют инакомыслия. Ты что-нибудь слышал про оппозиционные течения в Брестской крепости? Нет? Вот, и никто не слышал. Время такое. Соборность. Может, санкции отменят в следующем году, а может, и нет.

– Да, оно в России всегда было, время твоё. Какую эпоху ни возьми, – на излёте накатившего сожаления произнёс Алексей. – Всегда. Не вчера же было придумано, что морально,

а что нет. Проблема в том, что мы взяли и разделили мораль на спектр от совсем плохого до совсем хорошего, где хорошее – это жизнь, а плохое – смерть. Разделили, а потом обозначили, что мы живём, ориентируясь исключительно на жизнь, как символ чего-то хорошего. А смерть – это совсем плохо, даже думать нельзя, а умирать – тем более, табу. Тебе родиться помогут, роддома, забота, лекарства, укольчики и так далее. А умереть помогут? Не-а, подыхай сам, без укольчика. И тут-то возник перекося, Игнат, именно тут. Мы не искали середину в понимании смысла жизни и смерти, что это две половины одного и того же, и не подбирали баланс на оси добра и зла, белого и чёрного. Мы просто сместили балансир на сторону жизни и добра, чем закосили весь механизм своих моральных весов напрочь. И стала наша мораль описываться символом златоглавого белокаменного монастыря, так ведь? И всё, баланс нарушен, смещён в сторону жизни и добра. Побег от реальности, от неизбежности смерти, в монастырь в чистом виде на уровне коллективного бессознательного. А люди ещё гадают, что ж так бедно живётся-то на Руси? Так, ребята, родные, в монастырях денег нет. Их и не было там никогда, братцы. Птицам деньги не нужны. А я деньги зарабатываю, понимаете?! И точно знаю, что товарно-денежные отношения, которые мне интересны, возникают на стыке добра и зла, прямо посередине спектра. Я разве виноват, что я посередине и они посередине? Только моя середина в реальном центре, сером центре, а у них середина в белокаменном монастыре. Так кто из нас идеалист и реалист? Не верю я в высокие идеалы, Игнат. Высокие идеалы – это острые углы, а в море нет квадратной гальки, она вся круглая. Я это понимаю, поэтому живу по реальным правилам. Может, я по их меркам и зажиточный. Да, я зажиточный, а они – прожиточные, но так кто из нас заблуждается?

– Так, я не понял, Лёш, ты зачем эту тему сейчас поднял?! – ошарашенно смотря на заведённого токующего собеседника, аж с середины его длинной тирады, грубо, если не сказать – зло, тормознул поток слов Игнат.

– Какую тему? – остановился Алексей, как вкопанный.

– Лёха, не надо трахать мне мозг, – в голосе Игната явно сквозила если не внезапная ненависть, то плохо скрываемая угроза. – Ты прекрасно понял, о чём я. Ты с хера эту тему про «смерть от укола» трогаешь?!

– Дядь, ты чего? Чего ты взбрыкиваешь-то? Я ж тебе говорю – не помогут. Подыхай сам, – пытаюсь продолжить на той же волне, докатывался Алексей, но, увидев, как мертвенно побледнело лицо его визави, осёкся. – Игнат, я не понял, чего ты на меня уставился, как на крысу? Я тебя прищемил чем-то?

– Ты если бы не был моим хорошим знакомым, вот, я б тебе всю харю здесь разворотил! – рявкнул Алексею молодой принц таким неожиданно ледяным, скорее даже мёртвым тоном, что у того невольно подкатил комок к горлу и обдало приливом горячей крови всю нижнюю половину лица.

Алексей вдруг осознал, что, видимо, сам того не желая, больно уколол партнера в его, возможно, самое уязвимое место. Лихорадочно пытаюсь вспомнить всю информацию, которая хранилась в его технократической голове, Вознесенский старался выдержать тяжелый пронзительный взгляд без ножа режущих его с противоположной стороны столика голубых глаз. Но так как на сбивчивые запросы хозяина память выдавала об Игнате лишь ответы делового характера, с предположительным размером личного капитала, кругом общих знакомых, деловых интересах и прочей бизнес-аналитикой, приправленной обрывочными сведениями о традиционной многолетней семейственности Игната и чем-то ещё, то ни сами по себе, ни все вкупе, эти разрозненные данные вряд ли могли объяснить происходящее. С каждой секундой длившегося молчания Алексею становилось, мягко говоря, не по себе. Поняв, что в голове не найдётся ни малейшей зацепки за чувство вины, он попытался вяло перейти в наступление, пока не понимая ни правильной стратегии, ни тактики.

– Игнат, проломить башню можно и другу, если он не прав... Если тебе так надо – да на, бей, – так же не моргая и не отводя глаз сухо процедил он, откидывая салфетку с ног и подвигаясь ближе к столику. – Я твоих заморочек всех не знаю и знать не хочу. Своих выше крыши. Обидеть тебя не хотел. Сказал, как есть. Как думал, так и сказал...

– А ты, Лёш, в следующий раз получше думай, кому и что ты говоришь, – язвительно, но уже менее агрессивно, донеслось с противоположной стороны. Было видно, что Игнат уже не остановится, пока не выскажет всё, что у него есть на этот счёт, поэтому имело смысл не перебивать. – А особенно тогда, когда ты ни хера не понимаешь, о чём ты говоришь. Ты думаешь, ты, твою мать, всё знаешь? Укололи тебя – и мягко откинулся? Ты ничего, ничего в этом не понимаешь, Лёха! Не гневи бога, тебе есть, чего терять. Если бы всё было так просто, Лёш.

Было видно, что злоба и агрессия в интонации Игната куда-то улетучилась, оставив лишь глухую горечь в голосе. Алексей молчал.

– Я тоже, как и ты, Лёш, не так давно был таким же идеалистом. Ёлы-палы, сейчас век технологий, свободы, демократии, жить надо только по-современному и никак иначе! Всё это я, Лёша, прошёл. А мне не многим больше, чем тебе. Но только у всего есть оборотная сторона. Её не замечаешь до поры до времени, пока не становится поздно. Слишком поздно...

Игнат зажал ладонью скривившийся рот и глаза его вдруг покраснели и по щекам показались крупные слёзы. Подняв взгляд вверх и вобрав побольше воздуха, чтобы остановить накатившие эмоции, он глухо продолжил.

– Булат очень сильно болел..., – Алексей почему-то сразу понял, что Игнат говорит о своём сыне, хотя совершенно не знал семью партнера, даже и не интересовался никогда. – Очень сильно... Последние два года просто уже лежал, не вставая. Лежал и плакал, кричал, мучился сильными болями. Мы с Миланой всё, что могли – делали. Она с ним, по сути, только и возилась, остальных детей на няnek повесила. А у меня бизнес, я же не могу просто так взять и всё бросить. Тем более, что клиники и лекарства не дешёвые, мы в Г_ии лечились. В общем, вымотались сами, как тряпки. А Булату не лучше. Он уже взрослый, считай десять лет, всё понимает...

Игнат снова отвёл взгляд в потолок. Алексей смотрел на товарища и со всей очевидностью осознавал, что совершенно, совершенно ничего о нём не знал.

– Всё понимает. И докторов слышит, как они там шушукуются. Обезболивающие уже почти не брали. Он верещал от боли так, что в коридорах клиники стены ходуном ходили. У Милаши, после очередной такой ночи, нервный срыв и истерика, она стала носиться по клинике, цепляться за докторов, кричать на них, чтобы они что-то сделали, угрожать им, чуть не в драку. Её на неделю под капельницу, выводить из этого состояния. В общем, так мы ещё год прожили... Все анализы и исследования к тому моменту показывали приговор. Два, максимум три года. Вот таких два-три года. Года, когда твой сын умирает, мучается, а ты ничего, ну ничего не можешь сделать. Булату это стало известно. Я не знаю, как. Но стало. А дети, они же это по-своему как-то понимают. Для них, что ли, нет смерти в нашем с тобой смысле. Они её не боятся, как мы с тобой. Просто не понимают. Они боятся, когда им больно. Они только этим мучаются, но мучаются так, что ты, от своего бессилия помочь чем, считаешь себя полной скотиной. И они будут цепляться за жизнь до тех пор, пока папа и мама не сдаются, борются вместе с ним. Не сдаются, Лёх, пока ты сам не сдашься... Мы, правда, с Миланой очень хотели помочь, хоть чем. Но, как нам говорили, было уже поздно. И я сломался...

В очередной раз Игнат захлопнул лицо тыльной стороной ладони и согнулся. Продышавшись секунд тридцать, он вытер запястьем повлажневший нос на вдохе и продолжил.

– Сейчас страшно об этом говорить, Лёш, но я сломался тогда. Мне казалось, что если будущее определено, исход понятен и шансов нет, то нельзя мучать ребёнка и семью. Как ты говоришь – укольчик, я воспринимал тогда как самый цивилизованный, гуманный и, главное, современный выход из ситуации. Как сейчас помню, как я с Булатом говорил. Про укольчик...

Милана сперва чуть не убила меня за такое предложение. Но после очередного срыва тоже сдалась... В Б_ии эвтаназия взрослых и детей легально разрешена, Лёш. Может она ещё где разрешена, но в Б_ии было и ближе, и с двенадцати лет. А нам тогда было одиннадцать. Там много справок, документов, согласие от родителей и ребёнка, до хрена всего... И с двенадцати. Короче, документы мои юристы отправили в комиссию, там какое-то время они рассматривались, наблюдали за нами, всё проверяли, диагноз, анамнез, приговор, согласия всех при всех. Жесть... Год где-то прошел, больше. Булату хуже, он уже и не переставал орать, мне кажется, даже уже умом не выдерживал. Как растение. Ужасно... Нам уже двенадцать с длинным хвостиком. Нас на последнюю проверку. А мы измотались, дальше не куда. Этого укольчика как манну небесную ждали, лишь бы ребёнок не мучился и мы не мучились. Там, в Б_ии, последний консилиум. Они и сами всех врачей-профессоров опросили, и запросы во все научные медицинские центры по миру разослали, кто нашей болезнью занимался. Нет шансов. Ну нету. Медицина бессильна. Короче укол... Похоронили, короче...

Внезапно Игнат со всей силы ударил кулаком по столу так, что на звук не обернулся разве что глухой. Телохранители, сидящие неподалёку, мгновенно повскакивали, но тут же уселись обратно, подчиняясь успокаивающему жесту хозяина.

– Лёша, ты понимаешь что мы наделали?!

– Игнат, я вам не судья, – ошарашенно от такого рассказа выдал из себя Алексей. – И никто вам не судья. Никто. Выхода у вас не было. Просто не было выхода другого...

– Не было? – воскликнул Игнат, ошарашенно глядя в глаза Алексея. – Не было?! В этом-то вся и проблема, Лёша, что ты не прав. Как не прав был тогда я. Выход был. И этот выход – вера. Вера в свои силы, в свою семью, в своего сына и в то, что всё будет хорошо, как бы плохо это не было на тот момент. Никогда, слышишь, никогда не повторяй моей ошибки. Нельзя терять веру. Через полгода, как мы Булата схоронили, читаю в новостях, что Ш_ский научно-исследовательский институт собирает группу желающих для клинических исследований нового эффективного лекарства от нашей болезни... Ты понимаешь?! Мы им запрос дважды отправляли, дважды! Они отписались, что ничего нет. А знаешь, почему? Потому что это бизнес. Они в жёсткой конкурентной среде и своими новыми разработками и идеями светить не захотели. Просто не захотели, и всё! И никто им не судья. А вот если бы я тогда не сдался, то мой сын был бы сейчас жив! Жив, Лёша, и шёл бы на поправку, как и сто восемнадцать других безнадёжных пациентов, которым это новое лекарство было введено в курс лечения. Ты понимаешь меня, дядя Лёша? Получается, что я сам, своими руками, своего родного сына и убил. И теперь у меня всё хорошо. Есть время на бизнес, на тебя вот есть время. Жена не плачет, детьми занимается. Я ими занимаюсь. А Булата больше нет... И меня, Лёша, нет...

Положив высокий породистый лоб в ладонь и опёршись на ресторанный столик, Игнат отрешённо продолжил, глядя в тарелку Алексея и переводя блуждающий взгляд то на столовые приборы, то на салфетку.

– Поэтому мне твоя бородатая философия, Лёш, если честно – не интересна. Про уколы молчи и больше даже не заикайся никому. Это ты не понимаешь и не имеешь никакого права даже рассуждать об этом. Никакого. Ладно. Извини. Не знаю, зачем я тебе это всё сказал. Но если тебе чего-то не нравится на родине, так не работай там! Сосредоточься на тех странах, где ты в легальном поле. Ты можешь протестовать себе сколько угодно и думать, что ты самый свободный из всех несвободных. Но эволюция морали происходит не везде одновременно и равномерно, где-то быстрее, где-то медленнее, ты на Азию или Африку посмотри. Ещё не понятно, чья система дольше проживет, белодомная или белокаменная. Центр морали постепенно смещается в твою серую сторону, это заметно. Рекламу алкоголиков и букмекеров уже разрешили, киберспорт теперь стал официальным видом спорта, казино в С_чи открыли, сейчас вообще либерализация назревает по многим вопросам. Наберись терпения. Все же понимают, что есть различные технологии, отечественные технологии. И у каждой такой есть разный экспортный

потенциал. А у твоей технологии он один из самых высоких, потому что твоя разворачивается в глобальном масштабе быстрее всего, достаточно скачать программку или открыть сайт. А для осажденной крепости это жизненно важная задача, чтобы найти источники дохода за пределами крепостных стен. Просто это ещё не все наверху понимают. Но скоро поймут, неизбежно, иначе в крепости мы друг друга начнем кушать. Причем скоро. Поэтому, вот, мы с тобой кушаем здесь, а не там, правильно?

Всё это время, пока Игнат выговаривал Алексею, даже скорее не ему, а просто куда-то наружу, всю ту горечь и отчаянное, непоправимое чувство вины, бородатый предприниматель сидел, не шелохнувшись, и с понурым, мало чего понимающим видом. Сказать, что он не сочувствовал человеку, сидящему напротив, было нельзя. Алексей сопереживал, как может сопереживать один потрепанный деловой жизнью мужчина другому такому же. И это было достаточно искреннее чувство, в той его общечеловеческой части, которая находится в каждом человеке на белом свете. Однако было что-то в этих встречных чувствах к чужому горю неуловимо странное, прагматичное что ли. В голове всё равно никак не вырисовывалось полное и безапелляционное основание для искреннего сочувствия человеку, который, по слухам, буквально недавно задушил бизнес двух ближайших конкурентов, и, обанкротив их, сидит тут, во всей красе, и пытается нажиться на Алексее, толкнув ему «по-дружке» втридорога яхту, которой грош цена. Ну, может не грош, но точно никак не один и восемь. И вот не понятно, как воспринимать семейную драму успешного по бизнесу товарища. Как драму-драму? Или как издержки профессии? Как бы то ни было, Алексей очень сильно хотел поскорее увести странный и неприятно вильнувший в сторону разговор в прежнее нейтральное русло, поэтому решил взять слово наподольше.

– Да, наверное, ты прав, – громко сопя, пробормотал Алексей. – Извини, Игнат, я не знал и не хотел тебя обидеть. Извини, ей-богу, и прими мои соболезнования. Это всё не просто, но надо жить дальше. А что касается бизнеса в России, просто обидно, честное слово. Чувствую себя валютным спекулянтom времен СССР. Сейчас это финансовые рынки, форекс, основа экономики и всё легально. А буквально каких-то двадцать лет назад за это сидел бы, и долго сидел. Да даже не в этом, мать её, суть-то эпидерсии! Я – обычный русский деловой человек, делающий хорошо своё дело в очень странных условиях, вынужден работать как бы исподтишка. Я всю свою жизнь ощущаю спиной этот осуждающий взгляд всех вокруг, матери в первую очередь. Что предприниматель, деловой человек – это такая секретная форма западного зла, накрывшая непорочную русскую землю, без которого и жить сейчас нельзя, и смириться с ним невозможно. Мама мне постоянно устраивает эти свои гундения про "грязные деньги", про пороки и разврат, где я залип, про какой-то нравственный долг и высокое предназначение. Чёрт-те что и с боку тоже. А я же её слышу, вот ведь в чём хрень вся. Но не делать-то своё дело не могу. Не могу, потому что это творчество для меня, понимаешь, самовыражение такое: я там свободным себя чувствую и нужным. Это моё дело. Я там каждую деталь знаю, что откуда тянется и к чему присоединяется. Люди книги пишут – это, значит, хорошо, да? Это светлое предназначение, типа. А я тоже пишу. Я больше ничего в жизни и не делаю, только сочиняю текст и его набиваю, только на языке программирования или на языке общения. И делаю это каждую минуту, без выходных; есть у меня вдохновение или нет, но я должен это делать. Программный код или деловая переписка, по сути – те же книги, только на другом языке. Я самый что ни на есть писатель! Только и делаю, что пишу и обсуждаю с кем-нибудь то, что написал. Только в их глазах я, сука, хакер, кибер-мошенник или ещё что похуже. Короче – ведьма я, русская деловая ведьма, и охотиться на меня – форма национального спорта, марафон декриминализации, типа того. А я никакого отношения к криминалу не имею, очень люблю своё дело, знаю, как его развивать надо и что из него вырасти может. Я не запойный, в моем деле нужна трезвая голова. Да, я развлекаюсь. Что меня цепляет, тем и развлекаюсь. А что, дворяне, помещики, чиновники с мешанами в прошлом тихо сидели, ручки

на коленочках? Отжигали так, что у борделей стены ходуном ходили. Купцы, фабриканты – да те, скорее, прям иконы для моей мамы были бы: непьющие, богобоязненные, хозяйственные, моногамные, многодетные и деятельные. Но они-то на земле работали, а на земле самые сильные ветра, зазевался и сдуло. А у меня нет ничего на земле – ни заводов, ни лавок торговых, ничего. Я в воздухе вишу, пишу и вишу, и он меня держит. А она мне этот купеческий колючий свитер пытается надеть который год уже своими заботливыми материнскими руками. А я иду каждый день и "грязные деньги" зарабатываю, зная, что она считает, что заработаны они не честным способом, аморальным. Да что я говорю, Гнат, любой успешный бизнесмен тут в таком угнетенном состоянии как был, так и будет. Взять, хотя бы, тебя с твоим жильём и обманутыми дольщиками. Ты же ещё тот Мефистофель. Вот так и живём. Делаем любимое дело, которому отдаемся на полную катушку, никого не убиваем, не калечим, даем вокруг себя хорошую жизнь уйме людей, но всё равно нарушаем их нравственные устои. Бред какой-то...

Светка идёт, давай сменим тему, а то я завёлся что-то. Ты когда в Москву?

– На следующей неделе.

– Я тоже. Ты, случайно, не знаешь ребят, которые кибер-спорт протолкнули в правовое поле? Хочу с ними переговорить, может, и до меня очередь скоро дойдет.

– Не, не знаю, но уточню. Если что, ты готов встречаться?

– Да, в любое время.

– Добро.

– Котя, я пришла. Вы тут без меня не заскучили еще? – прошлёпала его спутница неестественно пухлыми губами, мягко подсев на стул рядом с Алексеем и извинившись ему в ухо нежным шёпотом за долгое отсутствие. – Заказали чего-нибудь?

– Да, вон несут уже, – ответил ей Алексей, пребывая после разговора с Игнатом в глубокой задумчивости. – А налей-ка мне, рыба моя, водочки.

Глава 3.

Тот же вечер, два часа спустя.

Причал для супер-яхт. Гранд Марина.

Монако, Монте-Карло.

Этим вечером всё по какой-то непонятной для Алексея причине шло не так, как того хотелось. И даже прежде не заметные для его высокого положения, малозначительные, хотя и многомиллионные проигрыши в Le Casino, которые были призваны нежно щекотать нервы развлечения ради, сегодня казались обидными и давили на мозговую мозоль. И не то чтобы было жалко этих проигранных капиталов, но и такая мелкая неприятность нашла логичное место в цепочке сегодняшних раздражений. А это очень мешало сосредоточиться, ведь вечер был не закончен и предстоял еще один серьёзный разговор.

Отпустив свою очаровательную и пьяненькую спутницу кататься по побережью на новеньком F_{gi}, Алексей покачал головой, прогоняя мучительную боль, и вошёл на тиковую палубу огромной океанической яхты, которая по внешнему виду была похожа разве что на атомную субмарину. Название этого корабля состояло лишь из одной, но самой главной буквы алфавита, сияющей в свете золотистой светодиодной подсветки. На верхней палубе с огромным бассейном было достаточно шумно: звучала приятная лаунж-музыка и раздавались громкие тосты под милый хохот множества девичьих голосов. Подмигнув узнавшей его охране, Алексей достал смартфон и, набив короткое сообщение «Я на месте. Встретите?», стал подниматься по лестнице, немного поскрипывающей под его шагами самыми дорогими на свете породами дерева. На его больную замороченную голову даже этот еле слышный скрип действовал, как изошренная и очень элитарная форма китайской пытки.

Рефлексия нашего героя, в целом, была объяснима. Тот вопрос, который Алексей сегодня хотел обсудить, был для него гораздо важнее, чем для хозяина этой роскошной плавучей крепости. Развитие этого проекта Алексей считал квинтэссенцией всего полученного жизненного опыта и конечной целью его дальнейшего существования. А находиться в позиции просящего Алексею не доставляло никакого кайфу. Но вариантов не было, разговаривать стоило, тем более, что эту возможность высокопоставленные знакомые Алексея добывали чуть ли не с начала года.

– Лёша, это ты там тапочками шаркаешь? Я жду тебя в кабинете, – раздался хрипловатый прокуренный бас откуда-то слева.

Не ожидав услышать голос хозяина корабля посередине подъема, Алексей аж вздрогнул и обернулся. Голос раздавался из большой каюты на втором этаже, дверной проем в которую заслоняла плотная завеса сигарного дыма.

– Леонард Аркадьевич, да, я! Уже иду, – прокричал Алексей в сторону табачного тумана еще больше расстроившись своему лебезячему тону, и, преодолев расстояние от лестницы до двери в пару шагов, вошел в кабинет.

Надо сказать, что не только Алексей пребывал во власти негативных эмоций от перспективы предстоящей встречи. Хозяину положения она также энтузиазма не добавляла. И не то чтобы Хозяин испытывал неприязнь к Алексею. Нет-нет. Они были неплохо знакомы, и Алексей был представлен Леонарду Аркадьевичу как выдающийся и очень успешный предприниматель, специализирующийся в сфере передовых компьютерных технологий. А это представляло определенный интерес для Хозяина, который периодически пользовался бесплатным экспертным мнением Алексея для развития собственного, десятилетиями сформированного суровыми ресурсными и недро-пользовательскими проектами, миропонимания. Однако до данного момента Хозяин сам инициировал все встречи тогда, когда ему это было нужно. Ну а на этот раз просьба о встрече прошла от самого Алексея. А значит, он автоматически пополнял длинную и непрекращающуюся очередь голодных до инвестиций просителей, которые за последние несколько лет успели натоптать достаточно толстую и большую мозоль на мозгах Хозяина своими просьбами о финансировании всевозможных проектов, в оценке полезности и прибыльности которых возникали неразрешимые сомнения. Да, за встречу с Алексеем попросили очень уважаемые люди. Но даже той поверхностной информации о сути вопроса, которую собрал Хозяин перед встречей, было достаточно, чтобы составить твердое убеждение в том, что предстоит разговор как минимум с каким-то городским сумасшедшим, а как максимум с очень опасным идиотом.

Плюс, возможность вот так, спокойно и непринужденно отдохнуть, выгуляв по Лазурке построенный по специальному заказу здоровенный плавучий дом, выдавалась в последние годы все реже и реже. А в этом году выпала впервые, и то потому, что Верховный решил в кои-то веки взять короткий отпуск и уехал поправлять энергетический баланс куда-то на Алтай. И мало того что это была первая в этом году возможность походить по большим живописным морям, но она же была и последняя, так как в сложившейся геополитической ситуации Леонард Аркадьевич был вынужден принять волевое решение и поменять оффшорный каймановый флаг своего судна на российский триколор, а также сменить, соответственно, порт приписки, осчастливив тем самым некоторых сочинских армян. Поэтому Леонард Аркадьевич очень дорожил каждой минуткой времени, которое можно было уделить моральному и физическому разложению в стиле party like a russians на Лазурном побережье. И воспринимал Хозяин необходимость траты этих драгоценных минут на Алексея как некое недоразумение, ещё более досадное тем, что оно было спланировано заранее.

– Проходи, Лёша, здравствуй! Присаживайся. Виски будешь? Мне из Я_ии привезли, с какой-то сумасшедшей выдержкой. Очень, кстати, неплохой вискарь. На-ка, лизни, – и, не дожидаясь ответа, Хозяин по-медвежьи неуклюже бросил щипцами в стекло кусочки льда и

небрежно плеская из бутылки на стол и ковёр разлил виски по стаканам. – Угощайся, Лёш. Ты куришь?

– Спасибо, Леонард Аркадьевич, от виски не откажусь, сосуды расширить, а то голова побаливает. А вот с курением у меня всё не просто, я же астматик, – ответил Алексей и, увидав удивленную встревоженную мину главного отравителя воздуха, тут же добавил, – да вы курите, курите. Я просто, с вашего позволения, вот сюда, поближе к окошку сяду.

– Лёша, садись, где тебе удобно, чувствуй себя как дома, – немного сконфуженно пробасил хозяин, но, задумавшись на мгновение, всё-таки отрезал краешек длинной овальной сигары и начал её раскуривать, ещё больше концентрируя стоящий в кабинете едкий табачный угар, с которым вентиляция уже не справлялась. – А вот я курю. Курю, Лёша, и ничего с собой поделать не могу. Ну, рассказывай, зачем пришёл.

– Леонард Аркадьевич, я постараюсь сжато и по конкретике. Много времени не займу. Есть одна идея, но сам я ее не подниму, поэтому ищу партнёра.

– Ну что ж, в хороший проект можно и проинвестировать. В чем идея?

– Идея, Леонард Аркадьевич, немного нестандартная, если честно. Поэтому, если она вам сходу не понравится – говорите прямо, возможно, только моя больная голова её способна нормально воспринимать.

– Ну то, что ты пришёл с сумасшедшей идеей, мне уже передали и вкратце рассказали. Из того, что я понял – это полная дурь. Но мне могли неверно донести твою идею. Поэтому хотелось бы услышать всё из первоисточника. Тем более, что первоисточнику я, в определенном смысле, доверяю. Давай к делу, Лёш.

– Да-да, я сейчас всё поясню. Только можно перед началом задать вам один вопрос?

– Валяй.

– Леонард Аркадьевич, если не секрет, у вас сколько гражданств?

– Вопрос неожиданный, но информация открытая. У меня четыре паспорта: российский, б_ский, к_ский и и_ский. А почему ты спрашиваешь?

– А человеку с несколькими гражданствами меня, мне кажется, понять будет легче. Вот у вас четыре паспорта, у кого-то три, два или один, как у меня. И я вопросом двойного гражданства недавно решил озадачиться, до этого как-то руки не доходили.

– Тебе с гражданством, что ли, помочь, ёлы-палы, Лёш?!

– Не, не в этом суть, Леонард Аркадьевич. Смысл не в подборе готовой юрисдикции для второго гражданства совсем.

– Тогда в чем?

– В создании такой юрисдикции.

– Не понял. Поясни.

– Леонард Аркадьевич, идея в том, чтобы создать новую страну, государство, как розничный продукт, удобную именно для онлайн-рынка второго гражданства.

– Блин, Лёш, а ты точно по адресу пришёл? Чем тебя готовые юрисдикции не устраивают?

– Леонард Аркадьевич, если честно – ничем. Ничем не устраивают. И я могу пояснить логику. Идею двойного гражданства вынашивают в себе много людей. Поисковый трафик по таким запросам очень не маленький, вы мою специализацию знаете и понимаете, что я даю проверенную информацию. И этот трафик ищет второе гражданство по двум основным причинам.

– Так. И каким же?

– Страх – первая и самая популярная причина. Для этих людей иметь второе, а лучше третье или четвертое гражданство – это стратегическая необходимость на случай военных или репрессивных действий по основному месту жительства. Особенно, если подобные неприятности уже в прошлом касались семьи потенциального клиента. Негатив же может относиться не только к личности, но и к капиталу, движимому и недвижимому, возможности заниматься

определенными видами труда и так далее. Поэтому людям, которым есть что терять на родине, но которым нечего там защищать, стараются иметь возможность в любой момент с семьей сесть в самолёт и улететь из дома, где сложные времена, домой, где тихо и спокойно. Так ведь, Леонард Аркадьевич?

– Ну допустим, ты прав, Лёша, но мы же не философскую беседу ведём с тобой, а за деньги толкуем. А я пока не понимаю, где тут могут быть мои или твои интересы.

– Так, давайте по порядку. Как мы понимаем, желающих застраховать себя и свою семью двойным гражданством становится больше, что и отражает рост числа соответствующих поисковых запросов. Но, даже несмотря на то, что мы с вами живём в относительно спокойное время, страхи, что вернётся тень законов «земли и крови», живут в обществе. И все понимают, что на национальном уровне каждое государство, буквально каждое, может ввести в перспективе такие законы, которые бы ущемляли так или иначе права некоренных граждан. И мы такое видим сплошь и рядом. И этот националистический тренд в обозримом будущем будет только нарастать. Поэтому, конечно же, в качестве страховочного варианта двойное гражданство всегда уступает тройному, которое хуже четверного, пятерного и т.д. Я же прав? Вы же поэтому после получения двойного на этом не остановились?

– И поэтому тоже. Продолжай.

– Так вот, к этой немалой аудитории, напуганной неизвестностью, добавляется приличный пласт космополитов, которые не видят себя в строгих рамках принадлежности к какому-то конкретному государству. Все эти люди ищут единое и комплексное решение по гражданству, держа в голове как идеал быть «гражданином Мира».

– Лёш, мне, честное слово, уже скучно становится. Есть же такие паспорта, он так и называется – паспорт Гражданина Мира. При таком гражданстве ты никаких интересов коренных граждан нарушить в принципе не можешь, никак. Это сделано уже давно, лет семьдесят как уже. Стоит такой паспорт копейки, долларов сто от силы. А страх твоей неизвестности – это выдумки молодых, типа тебя, Лёш. Мы все умрём, это бессмысленная и неотвратимая известность. Как мы умрём, Лёш – это вопрос открытый: можем мирно уйти, можем бомбами друг друга закидать с гарантией взаимного уничтожения или, прижатыми к стенке, шарахнуть водородом в жерле супервулкана, уничтожив саму планету к чертям; помирать, так с музыкой да под салют. Это всё известно, к сожалению. Смерть нам гарантирована, всем и каждому. Вечной жизни никто никому не обещал. Вопрос только в том, зачем жить, если ты всё равно сдохнешь? Ради чего, понимаешь?

– Леонард Аркадьевич, давайте рассуждать логически. Паспорт гражданина Мира выдаётся в В_тоне и пользы от него немного, полной свободы перемещения по планете он не дает и гражданство мира – это не юрисдикция, там ничего не добывают, там активов нет, некапитализируемая история. Это форма социального протеста без конечного смысла и результата труда. Но вы правы, пора говорить прямо. Есть идея создать новое государство. Но не на карте планеты, так как это вторично, а в сети Интернет, iLand, типа того. Такого сейчас нет. Первая интернет-республика, со своим гражданством, со своей валютой, со своим законодательством, системой госуправления и активами, социальными обязательствами, всё как обычно. Только виртуальная, в Интернете, без границ и уязвимых национальных интересов.

– Стоп, Лёш. А с этого момента поподробнее. Ты же знаешь, я человек приземленный. Ты мне скажи, что будет добывать население этой интернет-страны? Или это не добыча, а переработка?

– Вопрос понятен. Это на первом этапе добыча, добыча финансов и интеллектуальной собственности во всех её проявлениях.

– То есть ты хочешь сказать, что виртуальная страна-паразит, которая не добывает ни одного природного ресурса, ни воды, ни еды, ни газа, ни нефти, ничего, которой вообще нет на

географической карте, может существовать в реальном мире и быть кому-то интересна? Лёш, ты, по-моему, окончательно уехал в космос от своих электронных наркотиков.

– Позволю себе с вами не согласиться. В мире достаточно много стран, которые уже почти так живут. Любое карликовое государство. Любое. Л_бург, Л_тейн, М_ко, М_та и так далее. Так и живут, добывая интеллектуальную собственность и предоставляя удобные налоговые и финансовые инструменты. И ничего себе живут. А их гражданство еще надо постараться заслужить. Моя же идея в другом. Речь идёт не о первом гражданстве. Где родился – там и пригодился, я считаю. Я имею ввиду второе гражданство, универсальное, виртуальное. Ну вот представьте себе, что вы, регистрируясь в какой-нибудь популярной социальной сети, например, в моей, автоматически становитесь гражданином интернет-страны, вам электронный паспорт заводится, всё как положено. Взаиморасчеты вы ведёте во внутренней крипто-валюте, это удобно, мгновенно, безопасно и нет никаких банков. У такой страны нет центра управления, все децентрализовано. Нет столицы. На неё невозможно напасть: она же везде и нигде. У неё нет рубежей, которые можно нарушить. Нет армии, потому что нечего защищать по большому счёту. Нет полиции и пр. В этой стране своя крипто-валюта по типу алгоритмики блокчейна, которая легко конвертируется в любую мировую валюту. Штаб-квартира этой страны может де-юре располагаться на любом выкупленном крошечном необитаемом острове, на Луне или любом другом космическом объекте, если это какое-то условие признания независимости. А если у этой страны будет своя недвижимость по всему миру, допустим, ваша огромная сеть гостиниц и своя авиакомпания, допустим, ваша, то граждане этой страны смогут свободно перемещаться по всему миру без каких-либо ограничений, оставаясь при этом у себя дома, куда бы их не занесло. Такую страну невозможно изолировать, контролировать и игнорировать. Её невозможно подчинить или завоевать, не разрушив всё живое на планете. Это может быть анонимная оффшорная юрисдикция. Жители этой страны добывают интеллектуальную собственность, например, исследуя искусственный интеллект или квантовые исчисления, которую защищает законодательство этой страны и международные нормы, и продают права на использование этой интеллектуальной собственности жителям других стран. А это денежные и информационные потоки в глобальных масштабах. Так понятно?

– Уффф... Начинаю тебя понимать, хотя ты, конечно, и антисоветские вещи мне говоришь, очень похожие на бред умалишенного. Ты предлагаешь кормиться по месту первого гражданства, а думать головой под другим гражданством. Эдакая узаконенная утечка мозгов во всемирном масштабе. Очень опасная мысль, Лёш. А эта идея уже реализована где-нибудь в каком-то виде?

– Нет, насколько я знаю. Но сам концепт, если не брать в расчёт точку на карте и наличие коренного населения, очень похож на В_кан, который, правда, централизован, но обладает своими паспортами, недвижимостью по всему миру и прочими государственными институтами. Вот такая идея. Социальная сеть у меня есть, одна из самых крупнейших на планете. Собственную крипто-валюту планирую запускать к концу года. Необитаемый остров купить не проблема, если так надо для галочки. Можно даже, наверное, и с готовым островным государством договориться, чтобы с нуля не создавать. А у вас, Леонард Аркадьевич, есть одна из самых крупных гостиничных сетей в мире, авиакомпания, первичный капитал и административный ресурс наверху. Без признания в ООН такого виртуального государства ничего не получится.

– Может, и хорошо, что не получится. Это ящик Пандоры, понимаешь, о чём я? Если умные люди на всей планете перестанут держаться за свой кусок земли, тот самый кусок, где их предки похоронены, то на их смену могут прийти люди не умные, Лёш. И что они могут сделать с наследием людей умных, да и вообще захотят ли потом они их пускать на занятую землю – никто не знает. Представь, что какой-нибудь варвар будет скакать и бесноваться на могилах твоих предков только потому, что тебе по фигу и ты сам срулил. Так что идея странная.

Повторюсь, что это может быть опасно во всех смыслах, так как в ней заложен и прорыв и разрушительный революционный потенциал, а в мире и без того, твою мать, не стабильно. А любая революция, как известно, пожирает своих создателей, не забывай это. Поэтому, если ты по молодости думаешь заработать на этом проекте, то я лично сомневаюсь, что получится хотя бы жизнь сохранить. Ладно. Идея мне ясна. С этим надо переспать, Лёш. Ничего сейчас тебе не скажу. Ты когда в Москву планируешь?

– Жизнь сохранить... А кому она нужна, моя жизнь. Вам что ли? Сами же сказали, что жизнь – это тупик. Это бессмыслица. Если подумать логически, то жить нет никакого резона. Утечка мозгов... Как будто умные люди сидят, сука, и думают за то, чтобы всю жизнь дорожить одним только паспортом. Вот у вас четыре паспорта, а могилы предков наверняка в одном месте. Но это же вам не помешало. И никому не помешает, здесь каждый сам за себя. Живым надо помогать. А прах родных можно и в вазах с собой возить, сплошь и рядом такая практика. Вопрос мировоззрения и привычки. Поэтому не могу с вами согласиться. В Москву возвращаюсь на следующей неделе и буду там пару недель.

– Лёш, все мы когда-то переболели детскими болезнями. Твоя идея и утопична и анархична одновременно, хотя и имеет право на жизнь в современном сумасшедшем мире. Анархия – это болезнь молодых, да и то лишь тех, кому терять особо нечего. Это у меня детей нет, не дал Бог. А тебе, насколько я знаю, есть чего терять, у тебя семья и сын растёт. Я понимаю, что, в своём роде, ты привык быть на острие прогресса. Но не торопись кушать этот прогресс полной ложкой, можно травануться и проблеваться. Давай я, как вернусь, выберу время, и мы еще разок с тобой встретимся и потолкуем. Ты как?

– Леонард Аркадьевич, зовите, я приеду и ещё раз обсудим, не вопрос, – выдавил из себя Алексей с нескрываемым раздражением от того, что и эта финальная встреча дебильного дня пошла совершенно не так, как он себе представлял. Что добивало. – Это первый пробный разговор, я буду рад, если вы этим проектом заинтересуетесь.

– А я буду рад, Лёша, если, во-первых, ты свою идею больше не будешь рассказывать на каждом углу и дождёшься нашей следующей встречи. А ещё я буду рад, если ты отдохнешь и мозги себе продуешь, а то ты выглядишь очень плохо. Оно и понятно, богатому виртуальному анархисту, которому скучно и незачем жить, сложно хорошо выглядеть. Чего ради, правильно? Тебя наберут мои ребята на следующей неделе. А мне пора наверх, гости заждались. Давай, Лёш, обнимаю, пока.

Глава 4.

Вечер понедельника. Начало мая.

Где-то года три назад.

Ресторан с панорамным видом на город.

Москва-сити.

Все эти дни после разговора с Хозяином роскошной плавучей крепости Алексей не мог найти себе места. Что-то необыкновенно глубокое травмировало его подсознание и никак не хотело униматься. Что-то очень важное было затронуто в нём на той последней встрече. Возможно, сам того не осознавая, Хозяин дёрнул одну из самых перетянутых и бережно опекаемых струн в потаённых уголках души Алексея. Струн, отвечающих за исходные страхи, которые не приобретены по ходу жизни – ни в детстве, ни в сознательном возрасте, а именно те реликтовые, с которыми человек уже родился.

Ведь только внешне сильные и успешные мужчины выглядят бесстрашными и неуязвимыми. А на деле, кого ни копни, выяснится, что карабкаться наверх к успеху, зарабатывая по дороге верных друзей и беспощадных терпеливых врагов, испытывая радость побед и боль ран, как на физическом, так и психологическом уровне, закаляясь и черствея по дороге, мужчину

заставляет то самое чувство личной незащищённости и мальчишеской уязвимости, от которого просто так не отмахнуться.

Оно сидит так глубоко и так скрытно и надёжно, что влияет на все, исключительно на все принимаемые решения из абсолютно слепой зоны. Попробуй, поймай его, этот страх. Сколько ты успеешь построить в своей жизни под его влиянием перед тем, как он тебе на глаза покажется во всей его красе. Да так явно и очевидно, что не думать об этом человек уже просто не может и все равно начинает копаться глубже, оставаясь один на один с самим собой.

А вот чего Алексей не мог терпеть, ни в других людях, ни тем более в себе, так это комплексовать и бояться. Раз есть страх, и ты его боишься и не можешь это контролировать, тогда ты потенциально готов и можешь соврать. А это в парадигму жизни Алексея «по чесноку» никак не вписывалось. Поэтому, со всем свойственным ему максимализмом, этот молодой успешный человек давным-давно причислил себя к людям, полностью победившим личные страхи, и жил честным и абсолютно от них свободным.

И вот приходит успешный такой, независимый и уверенный в себе молодой человек с предложением к другому, по-настоящему большому человеку, и вдруг слетает с него куда-то вся эта независимость и уверенность. И вдруг он чувствует, что ему элементарно страшно предлагать. Да и не предложение это вовсе, а звучит-то мелко, как просьба. И тут основная мысль, которая воспринималась как непреложно большая и даже глобальная, осыпается и превращается разве что в возню мышек за крошку хлеба под суровым и тяжелым взглядом большого человека с мышеловкой, давящий вид которого показывает лишь то, как его все эти ничтожные людские потуги на шару получить денег достали. И сам ты – ничтожество и достал, раз пользуешься своим знакомством для обсуждения такой хрени, о чем просишь.

Ты, взрослый бородатый мужчина, владелец виртуальных заводов, реальных машин и пароходов, внезапно и мигом превращаешься в сморщенного страхом мальчишку, ответившего учителю на твердую парашу на выпускном экзамене. Что это? Комплекс отличника? Или глубинный и не-пойми откуда взявшийся страх, ведущий к подсознательному и безоговорочному подчинению мальчика перед взрослым мужчиной, который представляет огромную, веками сформированную систему, способную тебя, такого успешного и независимого, сломать, как спичку, и перемолоть в труху?

Что бы это ни было, но этот страх показал себя тем вечером Алексею во всей своей мерзкой прелести, заставив лебезить и что-то робко мямлить, сидеть с холодными и мокрыми ладонями, подчиняясь абсолютной воле собеседника. Сидеть и терпеть пренебрежительное отношение высокой придворной особы к тебе, как к шавке подзаборной. А ведь он же именно от этого всю свою жизнь и бежал, не допуская никого выше себя. Никого и ни при каких обстоятельствах. Ни выше, ни ниже, так как пресмыкательство своих подчиненных он не переносил с таким же отвращением, как и свое собственное. Только паритет. Поэтому после разговора с Леонардом Аркадьевичем, Алексею срочно, срочно захотелось принять душ и смыть с себя не только впитавшуюся угарную вонь скуреного табака, но и помойное ощущение от собственного гнидного поведения. Но, опять же, именно поэтому не помог ни душ, ни виски в большом объеме, ни еле припоминаемая пьяная развратная ночь.

Все это, да и ничто другое, не могло заглушить чувства пережитого унижения, эдакой метафорической кастрации в форме психологического надругательства над чуть ли не самым основным мужским жизненным принципом. Не могло, потому что страх этот потерять мужское достоинство сидел очень глубоко, и Алексей со всей очевидностью понял, что такое же растоптанное ощущение он может испытать и в следующий раз. Ведь ровно так же любой высокий и влиятельный в глазах Алексея мужчина сможет психологически отчистить твоё мужское начало в любой момент, и что страшнее всего – уже, возможно, при свидетелях. И эта перспектива была неотвратимой, так как именно в это общество властных мужчин Алексей и стремился попасть и закрепиться. В мгновение ему стало совершенно ясно, что всё, что он успел постро-

ить в своей жизни к этому моменту, носило оттенок служения тому глубинному страху перед потерей мужского достоинства. Ровным счетом всё. Наличие в избытке дорогой недвижимости, роскошной движимости, раздувшийся до сложно контролируемых размеров бизнес и уже не поддающийся исчислению материальный достаток, беспорядочные и безлимитные отношения с женщинами, да даже сам брачный контракт – всё это было сделано для видимого увеличения мужского достоинства и в подчинении у страха в его неубедительности и ничтожности. И всё это стало жутко осознавать человеку, который считал себя непогрешимым, победившим все свои страхи и оттого живущим «по чеснаку» с самим собой. А на поверку, наружу вылез такой очевидный факт, который убил наповал. Убил всё, к чему стремился и чего уже достиг Алексей, уничтожив значимость достижений на корню и навсегда. И так-то геморроя у молодого отца хватало по горло, но это был уже полный конец.

Сидя под пледом в тихом одиночестве на панорамной террасе забравшегося выше облаков ресторана, он, не отрываясь, смотрел на края дощатого пола, выходявшие за прозрачное ограждение террасы. Там, на самом краю, не по-майски скользком и залепленным мокрым сопливым снегом, доска казалась ему неплохим гигантским трамплином в новую жизнь. В жизнь, где есть шанс всё начать с чистого листа, так как в этой жизни Алексей уже не находил в себе силы что-то менять. Потому что это «что-то» касалось уже решительно всего.

Вот его персональные карточки очень важного гостя всех элитных столичных увеселительных заведений. Казалось бы, как долго он шёл к этому и как гордился достижением этого высокого статуса, великой мужской потенции. А сейчас они торчат из застывшего картофельного пюре в разные стороны и никак больше не способны помочь справиться с найденным страхом. Вот эксклюзивный телефон в платиновом корпусе, лежит в стакане с фруктовым лимонадом, освежается, и, выпуская наверх последние воздушные пузырьки, уже не мигает ни одним огоньком. А ведь по его звонку могли быть подняты по особой тревоге самые знойные красавицы города. Только вот вопрос – а на фига теперь? Или вот борода – символ мужественности, неукротимости, на бритой, рано полысевшей кожаной голове, она очень быстро уменьшается от огня зажигалки, воняя палёным. Ведь она так же никак не защитила Алексея тем вечером, на яхте Хозяина. Никак. Все эти внешние проявления мужественности, так сказать – сберегательный панцирь, оказались одновременно и бессильны, и бесполезны, никак не препятствуя пережитому унижению. И на кой тогда это всё нужно? Чего ради, если половозрелый самец хищного примата в самом расцвете своих сил почувствовал себя полным психологическим кастратом?

А ведь защитная оболочка этого глубинного страха, которая пронизывала все сферы его жизни, казалось такой прочной, такой идеальной. Алексей же очень гордился своей особенной гениальностью и прозорливостью, которая когда-то подсказала ему очень простую и очень верную идею, как нужно строить это всё. А идея-то была и впрямь не дурна собой, разочарованно вспоминал он, сидя на отшибе в ресторане и топя в лимонаде свои иллюзии.

Эту идею парень лелеял и хранил, как зеницу ока, считая своим ноу-хау. Он знал, как надо жить в эпоху технического прогресса. Ведь его придумали самцы. И только для того, чтобы охотиться и приносить добычу в логово, не выходя из него. Миллионы лет самцы двигались к реализации этой заветной мысли и вот настал век Интернета, который не многие заметили. Но Алексей-то заметил! Заметил, что это и есть воплощение этой основной идеи – выполнять свою мужскую функцию не выходя из дома, с дивана не вставая. К этому же и стремились пацаны. И вот настал такой момент. Век Интернета, автоматизации, роботов и искусственного интеллекта реализовал мечту. И всё так гладко шло. Так, твою мать, радовало...

Внезапно утонувший телефон подал последний признак жизни, и на мерцающем экране высветилось бледное сообщение от жены «Лёш, я не успеваю никак. Забери Сашу из садика к 8-ми. Люблю тебя! Чмок!». С абсолютно отрешенным взглядом Алексей стряхнул с бороды на грудь опалённые зажигалкой волосы и вложил в корзиночку с чеком кошелек со всем его

пухлым содержимым. А потом, с таким же опустошённым видом спустился в подземную парковку, сел в свою последнюю и полностью электрическую тачку T_1a, которая всего несколько дней назад была предметом особой гордости и представлялась существенным мультипликатором мужского достоинства, ударил по педали акселератора и под визг шин вылетел со стоянки, снеся не успевший подняться шлагбаум, в сторону детского садика.

Глава 5.

Москва. Начало мая.

НИИ скорой помощи им. Н.В. Склифосовского.

На второй день после сломанного шлагбаума.

Аномально большая муха на белом отслаивающемся потолке незнакомого помещения не давала Алексею покоя. Она не летала, не ползала, не издавала никаких звуков. Она просто была. Но самым этим фактом, почему-то, привлекала всё внимание молодого мужчины. Именно её, спокойно сидящую и шевелящую передними лапками на шатающемся потолке, рассматривал его туманный пришибленный взгляд. А серое вещество, словно проснувшееся после долгой спячки, нехотя стало подавать первичные признаки примитивной мозговой деятельности и задавать вопросы.

Как она там держится, если всё вокруг ходит ходуном, как от землетрясения? Зачем она так тщательно моет руки? Перед едой? Кого она собирается съесть чистыми руками? Интересно, а мухи разве не засыпают от холода? Трясёт жутко, дикий колотун. А потолки бывают гибкими? Они разве из жидкости? При какой же температуре они замерзают? Мутит и подташнивает от этого потолка. Очень холодно. Где, вообще, моё одеяло? Чёрт, что же так болит-то всё? И вообще, где я?

Мозг Алексея потихоньку начинал отходить от наркоза, который забирал с собой сонное состояние и сопутствующий обезболивающий эффект. И если с потерей первого можно было как-то согласиться, то второе хотелось бы оставить наподольше. Боль по всему организму, видимо, запустила запоздавшую защитную реакцию и от дозы адреналина трусило мелкой дрожью даже уши, которые по ощущению хотели улететь скорее из этого ледника куда-то в теплые края. Хотелось как-то унять эти порхающие и рвущиеся в тепло локаторы, прижать их к голове ладонями, но мозг никак не мог найти руки. Их тоже трясло, и чувствовалось, как стук пальцев по неестественно твёрдому клеёнчатому матрасу передавался колебаниями на больную спину. Но элементы управления руками у мозга отсутствовали напрочь. В горле было сухо настолько, что язык присох к зубам намертво, как когда-то в детстве примерзал в холода к металлическим качелям.

В странное помещение с трясущимися стенами, жидким потолком и голодной мухой с чистыми руками уверенным шагом вошла молодая симпатичная незнакомая девушка в розовом медицинском комбинезоне, сшитом на удивление строго по её точёной фигурке. Перед собой девушка везла какую-то тележку с набором непонятного мигающего оборудования, проводов и прозрачных трубочек. С нижней полочки тележки раздавался мелкий дребезжащий звон катающихся по металлическим поддонам инструментов и пузырьков. Оглядев спокойным и ничего не выражающим взглядом пациента, медсестра откинула краешек тонкого одеяла с левой ноги Алексея, и, произнеся что-то короткое про обезболивающее, всадила ему в ногу больнящий укол, от которого бедро моментально свело в страшной судороге. Язык мгновенно отлип от зубов и позволил хозяину отметить эти неприятные ощущения от необходимой медицинской манипуляции протяжным горловым стоном.

– Терпи, Шумахер, – прохладно произнесла медсестра. – Сейчас подействует и станет полегче, а то тебя трясёт как осиновый лист. Дай-ка руку свою.

Девушка откинула одеяло ещё и с перебинтованной груди пациента, забыв вернуть уголок, покрывавший задубевшую в судороге ногу, перетянула жгутом плечо выше локтя и, дождавшись пока на трясущейся руке проявятся вены, загнала туда толстую игу с гибкой трубкой и включила какой-то прибор на тумбочке. По трубочке в Алексея побежала какая-то жидкость.

– Сейчас станет теплее и болеть должно перестать, – вернув одеяло на место сказала девушка. – Чувствуешь?

Да. Алексей почувствовал, что тепло словно растекается по всему организму, успокаивая дрожь и унимая боль. Судорога на бедре потихоньку стихала, и он с облегчением закрыл прослезившиеся глаза, поддавшись приятному ощущению успокоения.

– О, заработала пилюлька. Вижу. Теперь давай ногой твоей займёмся, – уже более бодро прозвучало от медсестры в сторону висевшего на металлическом штативе странного перебинтованного бревна.

Только сейчас Алексей увидел и осознал эту часть своего положения. На металлической вытяжке, закреплённой через заботливо просверленную докторами пятку, висела над кровесборником его правая нога. И, то ли от этой новости, то ли от введенного препарата, а то ли от резкой режущей боли процедурного характера, спровоцированной ловкими действиями медсестры, его повело, закружило снова и под звон в ушах выключило. Мысль о том, что, похоже, он крепко разбилась и поломался, так и осталась недодуманной до конца.

Дальнейшее существование Вознесенского превратилось в непрекращающуюся череду коротких пробуждений и рваных отключек, иногда надолго, щедро одобренных расписанными по минутам и мешающими провалиться в сон санитарными процедурами. Массивный опоясывающий гипсовый корсет на поломанной грудной клетке доводил до приступа бессильного бешенства, своей массой и жёстким конструктивом сковывая любые движения. Вынужденное состояние проживания, лежа в каменных доспехах, создавало не меньше дискомфорта, чем раздробленная и висящая через штырь на гире опухшая и посиневшая нога или через раз работающие внутренние органы. От обездвиженности в одном положении каждый час возникали судороги в руках, спине, ногах, проверяя своего хозяина на выдержку и долготерпение, словно по расписанию.

Постоянно хотелось есть. Однако множественные осколочные порезы на заштопанном лице Алексея напоминали о себе каждый раз, когда обладатель физиономии пытался хоть что-то пропустить себе в рот твёрже пустого больничного бульона. От перенесенного стресса и операционных вмешательств, он очень сильно потерял в весе и осунулся за непродолжительный период, представляя из себя довольно жалкое зрелище. Всё, что выпадало изо рта, застревало и засыхало в бороде, по соседству с подтёками запёкшейся крови. Красные заплаканные глаза старались не смотреть в сторону обездвиженной дырявой конечности, находя единственным развлечением созерцание ползающей по потолку жирной мухи. Мухи, у которой всё было нормально. Мухи, у которой не хрустела поломанными костями грудная клетка и не болела от сотряса башка, приводя к регулярным отключкам. Мухи, у которой все конечности были целыми и невредимыми. И чистыми, мать их за ногу. И которая могла улететь отсюда в любой момент и в любом направлении, но почему-то этого не делала. Будто ей доставляло какое-то странное удовольствие наблюдать за всеми мучениями Алексея. И эта скотина не отводила своего любопытного взгляда и не отворачивалась даже в интимные моменты личной гигиены.

И если физическую боль можно было как-то перенести, облегчая неприятные ощущения обезболивающими препаратами, то обезболить душевную боль было нечем. Сама мысль наполнить больничное судно рвала мозг Алексея на части, вызывая безумное отвращение, бесильную злобу и гадкое униженное состояние. Он ни при каких условиях был не готов просить медсестёр принести и подержать ему судно, пока он будет ходить под себя. Это вселяло дикий ужас в голову молодого мужчины, который не так давно был образцом пышущего здо-

ровьем и достоинством носителя эталонного мужского генофонда, который все свои потребности обслуживал сам и только сам. Эта необходимость доводила до блевотного состояния и сумасшествия, заглушая любую физическую боль. Но антибиотики работали и производили хороший побочный эффект. Поэтому, обессиливший Алексей чуть не плакал, пока молодая медсестра, деликатно опустив взгляд, держала под ним судно, с таким же нетерпением ожидая окончания опорожнения. И всякий раз в такие моменты зловонного унижения, которые на фоне антибиотиков случались куда чаще обычного, потолочная муха паялилась с издёвкой на измученного и опустошённого во все смыслах Алексея.

Однако, подавленное, растоптанное собственной беспомощностью, разбитое и раздробленное состояние Алексея довольно скоро дополнилось еще одним нюансом. Сколько именно прошло времени, Алексей точно сказать не мог, может, день, может, два или больше. Постепенно в сознании, стали всплывать отрывочные фрагменты воспоминаний. Под действием боли и медикаментов было ещё сложно воссоздать целостную картину происшедшего, но даже тех рваных кусков, которые возникали в памяти, было достаточно, чтобы сформировать стойкое и гнетущее ощущение чего-то непоправимого. Чего именно, Алексей не мог вспомнить, но ощущал, что его теперешнее состояние – это не единственная неприятность. И стоило ждать плохих новостей. Которые, кстати, не заставили себя долго ждать, и материализовались в палате в виде двух мужчин: лечащего врача и полицейского.

– Как вы себя чувствуете, пациент? – холодно спросил Алексея лечащий врач.

– Хреново, – процедил сквозь зубы Алексей.

– Всё, как вы и хотели, милейший. Говорить можете? – продолжил доктор.

– Говорю же, – ответил Алексей и утвердительно моргнул.

– Хорошо. К вам пришёл сотрудник из полиции для беседы. Я вас оставляю на пятнадцать-двадцать минут, не дольше. Вы меня поняли? – вопросительно обратился доктор к каменному лицу полицейского. – Он ещё слишком слаб. Большая внутричерепная гематома. Поэтому не более двадцати минут.

– Я вас услышал, – мигом среагировал сотрудник полиции. – Мне хватит.

– Хорошо. Тогда оставляю вас. Общайтесь, – произнёс строго доктор и вышел из палаты.

– Здравствуйте, – очень холодным тоном начал полицейский. – Меня зовут Роман Константинович Смирнов, капитан полиции. Мне поручено вести ваше дело.

– Дарова, капитан Смирнов. Лёша, – осторожно поприветствовал его Алексей.

– Вы помните обстоятельства происшествия?

– Очень смутно. Я на тачке ехал, помню.

– Да. Если коротко, то вы двигались на своем автомобиле по Кутузовскому проспекту в сторону области с превышением скорости. И, выскочив на выделенную полосу перед Триумфальной аркой, вы совершили лобовое столкновение с припаркованным там автомобилем патруля ДПС.

– Ни хрена себе... – ошарашенно протянул Алексей. – Гаишники живы?

– Сотрудники ДПС по счастливой случайности не пострадали, так как находились не в автомобиле. Ни один автомобиль восстановлению не подлежит.

– Я вас понял... – ощущая накатившее оцепенение и чувство страха прошептал Алексей.

– Вы помните, что в кабине своего автомобиля вы были не один?

– Саша! Что с ним? – со стекленеющим взглядом от накативших слёз простонал Алексей.

– Ваш сын не был пристёгнут ремнями безопасности. В момент удара его выбросило через лобовое стекло на проезжую часть. Все последнее время за его жизнь боролись врачи Морозовской детской клинической больницы. Мальчик поступил туда с множественными переломами и травмами. Сейчас его жизни, слава богу, ничего не угрожает. По состоянию на сегодняшнее утро, во всяком случае. Однако врачи опасаются открытия внутреннего мозгового кровотечения. И ещё одно, – тон полицейского стал совершенно колючим. – Врачам не

удалось сохранить левую ногу вашего сына. По факту данного ДТП и ввиду его последствий, повлекших тяжкий вред и увечья здоровью человека, было возбуждено уголовное дело. Мне необходимо вас допросить как виновника ДТП. Вы готовы давать показания?

Звон в ушах Алексея нарастал с каждым произнесенным капитаном словом. Лежащие под одеялом ладони впились ледяными пальцами в клеёнку матраса и сжали её в исступлении. В глазах поползли чёрные, тошнотные мухи и заискрились еле видимые вспышки фосфенов. И сознание покинуло Алексея, оставив без ответа вопрос полицейского. В повисшей тишине был слышен лишь скрип покачнувшейся гири, висевшей на пятке его ноги.

Часть вторая.

“Высшая и самая характерная черта нашего народа – это чувство справедливости и жажда её”.

Ф. Достоевский.

Пролог второй части.

Москва. Парк Горького.

Наши дни.

Коптит город небо, коптит своими лампами... Мы и копитим, люди городские, не можем пока по-другому. Не научились. Машин очень много, целые реки, так, что аж из берегов. Однако выводят сейчас куда-то мануфактуры да фабрики. В ведомостях пишут, что взялись за «ржавый пояс», расчищают. Ржавый пояс... На пряжку свою гляжу, та тоже от времени зацвела. Оно же и правильно, наверное: всё, что устарело – уйти должно, не мешать. Раньше как-то даже и не замечал, что столько ненужного в городе. Каждый день ходил вдоль высоких бетонных заборов, всё удивлялся, что так крепко, на века построено. И вот не приходила же мысль, что это просто камни, а за ними нет ничего, идеи никакой за ними нету! А сейчас так очевидно, отчего-то, словно сняли пелену с глаз, как после операции. Если нет её, Идеи, то пиши-пропало: на стадионах тогда торгашей можно вместо спортсменов, детский садик под контору или офис какой. Без Идеи всё в камень превращается, в песок, в пустыню. Или в кладбище, ржавое кладбище посреди живого города. А сейчас словно просыпаемся. Они, молодые, нас и будят. Шустрые, деятельные, стоять не могут, всё в движении. А какое тут движение, с нашими заборами-то? Всё под снос, и правильно, ребятки, что под снос. Илюша мне говорит, что мы, дедушки да дяденьки, всю природу городскую в камень упрятали. Маленький, а соображат. Всё в город притащили – и нужное, и не нужное, везде либо забор, либо дорога, ни в мяч поиграть, ни на санках скатиться, ни по травке босиком. Нету места для детства. В парке-то нашем сейчас раздолье для Илюши, от бывшей шоколадной фабрики до, считай, воробьиной горы, во все стороны тротуары, велодорожки под клёнами да липами, площадки игровые, всё что угодно. Оно так и должно быть, чтобы ветер в волосах играл. Когда свободный ветер волосы трепет, то и мысли сразу свободные, творческие. К добру это всё. Оно как, вот за такое я на противотанковых ежах под Химками стоял. Ага, лежал... И другие полегли. Тогда не понимали мы этого, по молодости. А теперича, значение другое. Да и время другое. Только не хочу им мешать, обузой быть не хочу, забором этим, ржавым поясом, быть невыносимо. Пользу хочу несть. Хоть каку-то, хоть самую маленьку, крошечну, да пользу. А чем им помочь – не знаю, и они ничего не просят. Жалеют меня. Хорошо, что ещё хожу. Илюша меня выгуливает. Нельзя сдаваться, я так мыслю. Я же живой. А раз живу, значит, нужен ещё. Значит, могу быть полезен и должен быть. Только я, кроме как любить, больше и не способен ни на что, сил уже нет, как раньше. Разве и осталось силы, что только любить да ценить саму жизнь, да не свою, а их жизнь и их будущее. Сам удивляюсь, какая это силища во мне – Любовь. Вот что-что, а она с годами не ржавеет.

Глава 1.

Отделение полиции.

Западный административный округ.

Москва. Начало мая.

Где-то три года назад.

Серый московский то ли дождь, то ли снег, под пронизывающий порывистый ветер, залеплял наглухо зарешёченные окна длинного четырёхэтажного здания отделения полиции. Его и без того мрачные стены из грязного силикатного кирпича, намокая с подветренной стороны, неопытному москвитю, пожалуй, могли продемонстрировать разве что определенную безысходность. Безысходность в самом широком смысле этого понятия. Безысходность архитектора такого типа зданий для военных частей. Вынужденную безвариантность городских властей, не имеющих возможности снести это пост-архитектурное великолепие и построить на его месте что-то живое. И, самое главное, какую-то кармическую предопределённость жизненного положения людей, входящих в него в это не по-майски угрюмое раннее утро, особенно по работе. Даже свет, холодный мерцающий свет длинных ртутных газоразрядных ламп, пробивающийся на свободу из окон некоторых кабинетов, не только не разбавлял эту безрадостную картину, но и гармонично её подчеркивал, выстужая, если не сказать – вымораживая её изнутри.

Московские правоохранители, не ожидавшие такой погодной аномалии в самый разгар календарной весны, по-настоящему оперативно курили перед входом, ёжась от западающих за ворот ненормальных слюнявых осадков. Со стороны казалось, что какая-то часть их доблестной службы по необходимости состояла в том, чтобы поддерживать в надлежаще стабильном состоянии облако крепкого табачного дыма, прижатое ветром к входной двери невесёлого здания. Возможно, это ощущение складывалось потому, что как только один человек в погонах покидал пределы ареала накуреного микроклимата, так сразу же его место занимал другой человек в погонах или в штатском, выскакивая из отделения в это никотиновое облако с уже раскуренной сигаретой. Курили, по большому счету, молча, хмуро и неодобрительно вглядываясь в лица входящих в участок посетителей.

Посетители же, в свою очередь, сближаясь с входной дверью, старались не отрывать взгляда от снежно-землистого, заплёванного и приправленного окурками, весеннего дорожного месива. «Только не поднимать глаза», «только не смотреть по сторонам». Наверное, как-то так размышляли те, кого нужда заставила явиться в это хмурое утро в полицейский участок, проходя сквозь угарное чистилище под пронзительными тяжелыми взглядами продрогших оперативников. «И, самое главное, не дышать».

Небольшой временный кабинет следователя Романа Константиновича Смирнова располагался на втором этаже и выходил своим узким окошком чётко в стабильное облако служебной необходимости. Поэтому, с каждым порывом ветра, сквозь разошедшиеся от времени деревянные ставни в помещение проникала очередная щедрая порция едкой смеси для активного пассивного курения и дополнялась там крепким мужским ароматом, небрежно замаскированным достаточно прямолинейным одеколоном.

Из четырех длинных белых ламп, закреплённых под потолком на проволочных скрутках, работало только две, одна из которых всё время моргала и мешала сосредоточиться трещащими звуками перегоревшего стартера, безрезультатно пытавшегося запуститься. Окно было плотно задернуто куском грубой ткани, в которой к данному моменту было непосильно разобрать фрагмент плотной театральной кулисы, доставшейся этому кабинету после ремонта в актовом зале. Временность или, скорее, необжитость этого помещения была заметна практически в любой детали, начиная от забрызганных пятнами старой краски стульев до мусорной корзины, роль которой выполнял висевший на трубе отопления целлофановый пакет. От про-

шлых хозяев этого помещения, двух преклонного возраста дам, администрировавших отсюда местный оперативный архив, Роману Константиновичу досталось две вещи, которые никак не хотели вписаться в мужской новый порядок. Во-первых, цветочный горшок с геранью, которую по просьбе предыдущих хозяек, надо было либо поливать, либо выкинуть. А во-вторых, зеркало, намертво закрепленное на жидкие гвозди с обратной стороны кабинетной двери. При-сутствие дамского зеркала с розовым ажурным орнаментом по краям, равно как и цветочного горшка на подоконнике, требующего регулярного полива, создавало в голове следователя по уголовным делам настолько сложные корреляции, что вступало в определенный диссонанс с его мужской строевой самооценкой, заметно снижая жизненный тонус и, в определённом смысле, мускулинизм. Особенно это было заметно при редком посещении кабинета начальством.

Да, порядка в кабинете, на первый взгляд, никакого не наблюдалось. Не было крючка, вешалки или элементарного гвоздя, чтобы повесить верхнюю одежду. На пошедшем волной паркете стояла платформа для электрического чайника, но сам чайник отсутствовал. Там же находился массивный старый сейф без ключей и какого-либо понимания их судьбы. Этот металлический саркофаг навсегда сохранил в себе тайны следствия прошлых эпох и упокоился в этом кабинете, скорее всего, уже до сноса здания. Телефонный аппарат, подключённый «лапшой» к сети, располагался в дальнем углу подоконника, надёжно заслоняемый горшочным растением. Аппарат работал исправно, однако, набрав за время доблестной службы в трубку щедрый запас неприятных запахов, напоминавших аромат средней ротовой оперативной полости по отделению, никак не располагал к общению. Даже в служебных целях. Да и старенький тормозной компьютер, подключенный к ведомственной сети, не мог предоставить возможности интеллектуального побега из этого тёплого, тихого, чуть освещённого, но какого-то неживого помещения.

Однако, на рабочем столе Романа Константиновича, привлекала внимание одна деталь, которая, во-первых, заметно выделялась на фоне предельно аскетичных элементов служебного интерьера, а во-вторых, только она одна помогала следователю настроиться на очередной рабочий день. Только она была способна погасить клокочущее внутреннее возмущение оперативника окружающими обречёнными условиями. Она единственная не позволяла этому внутреннему растущему протесту не вырываться с шумом и грохотом наружу и смириться с окружающей действительностью, как с очередным жизненным испытанием, данным за дело и ради чего-то хорошего. В жестяной рамочке, сделанной им самим из большого пустого тюбика из под клея и украшенной латунными жестяными завитками по всему периметру, стояла фотография маленькой очаровательной девочки, широко улыбающейся Роману Константиновичу большими голубыми глазами. Его родными любимыми глазами.

Вот уже которое утро суровый тридцатилетний дядька брал фоторамку и подолгу рассматривал милое личико своей маленькой дочки, словно разговаривая с ней через пространство. В такие моменты со стороны было видно, как преображался его взгляд, теплея и успокаиваясь. Несколько минут, и от внутреннего кипения у мужчины не оставалось и следа. Словно какая-то защитная оболочка обволакивала его со всех сторон, пробираясь своими согревающими волнами сквозь мужскую волевою корочку до самых ранимых глубин души. И там становилось тепло. По-настоящему тепло, независимо от погодных аномалий. Становилось понятно, ради чего оно всё. И, откуда ни возмись, появлялись силы. Не просто мимолётный эмоциональный прилив, зажмурься – и пройдёт. Нет. А словно мощный неиссякаемый поток, который подхватывал, подпитывал, придавал скорости и значения движению, оставляя за собой, как панораму за окном мчащегося поезда, такие малозначительные и проходящие жизненные обстоятельства, как маленький душный кабинет типа «клетка», смердящую трубку служебного телефона, сейф-гроб и разбитую вдребезги текущую личную жизнь.

Ту прошлую жизнь, которая началась у Романа Константиновича сразу после окончания юридического факультета в подмосковном Н_ске. Тот её период, который стартовал в день вручения дипломов, когда в светлую просторную аудиторию неожиданно вошёл представительный майор, тогда ещё милиции, и сообщил выпускникам, что органы внутренних дел очень нуждаются в квалифицированных кадрах и готовы предложить выпускникам высших учебных заведений работу, автоматическое присвоение званий младшего офицерского состава и большой набор служебных привилегий и льгот. И, сидя на забрызганном краской шатком стуле и рассматривая фотографию дочери, Роман Константинович Смирнов очень хорошо отдавал себе отчёт, что это и есть финиш. Красная черта того жизненного марафона, который начался с его решения пойти по самому простому и верному, как тогда казалось, пути. Как будто вчера состоялся тот разговор с майором милиции в институтском, по-летнему тихом, коридоре.

– Ну а что ты теряешь-то, парень? – спросил усатый майор Романа, который пытался выяснить первичную конкретику про условия принятия на работу в органы. – Тебе сейчас сколько?

– Двадцать один уже.

– Ну вот. Смотри, ты крепкий, симпатичный, с высшим юридическим образованием, – продолжал разъяснительную работу майор. – Если бы у меня были такие же данные, как у тебя сейчас, я бы уже до генерала дослужился бы давно. Вот куда ты хочешь пойти устраиваться на работу со своим дипломом?

– Да много где юристы требуются. В коммерческих фирмах платят больше, чем у вас.

– Ага, жди. С твоей синей корочкой не пойми какого подмосковного филиала фиг поймёшь какого московского института тебя, прям, с руками оторвут во всех шаурмячных и чебуречных. Юристы требуются, говорит. Да тебе с этим твоим образованием разве что бумажки переносить с этажа на этаж доверят, будешь помощником-курьером у какого-нибудь юриста, в фирме твоей. А в органах, после «учебки», будешь сразу офицером. Младшим, но офицером. А это дорогого стоит. Да, может, и не самая большая зарплата у нас. Зато много льгот, большой отпуск, пенсия уже в тридцать восемь лет. Выйдешь на пенсию молодым, с огромным опытом оперативной работы за плечами, с майорскими или, если повезёт, полковничьими погонами и иди куда хочешь. Дорогого всё это стоит, дорогого, парень.

– До тридцати восьми ещё дожить надо, – не найдя в молодой голове ничего умнее, брякнул Роман.

– А так чего ж тебе и не дожить-то, мил друг?! Вон ты рослый какой, спортивный. Вредных привычек у тебя нет? Нет. Вот. В форму тебя офицерскую оденем, и заблестишь, как солнышко. Младший лейтенант, мальчик хоть куда. Все девчонки пересохнут. Да не это главное, парень. Ты человеком станешь, настоящим мужиком, а не мальчиком на побегушках, который бумажки перекладывает за гроши со стола на стол и хочет, чтобы его за это называли юристом.

– Ладно, я подумаю, – неуверенным голосом ответил молодой человек, явно сомневаясь в пропорции положительных сторон государственной службы относительно перспектив трудоустройства в коммерческих структурах.

– Думай, кто ж тебе мешает. Вот мои контакты, – и майор протянул Роману засаленную и пахнущую махоркой визитную карточку. – Как надумаешь – звони по этому телефону, – и милиционер подчеркнул на карточке один из указанных номеров. – Тебя как звать-то?

– Рома.

– Роман, значит. А папу как зовут?

– Звали, – с грустью ответил на некорректный и больной вопрос молодой человек. – Папу звали Костя.

– Извини, парень, не хотел обидеть, ей-богу. Значит, получается, ты Роман Константинович. А что, хорошо звучит. Как минимум на майора. Это я тебе, что называется, с гаран-

тием говорю. Ладно, служба ждёт, честь имею. Жду твоего звонка, Роман Константинович, – и майор, взяв под козырёк перед бывшим студентом, направился к выходу.

Вспоминая этот судьбоносный разговор и любясь очаровательным личиком маленькой дочки, Роман Константинович Смирнов странно улыбнулся и закрыл глаза. В сознании следователя словно выстроился мысленный мостик через реку прожитой жизни. На левом берегу, в далёком прошлом, его умозрительная опора стояла именно на этой встрече майором милиции. Правая же опора, в настоящем времени, приходилась на противоположный конец реки и стояла на хлипкой болотистой почве, проседая с каждым прожитым днём всё глубже и глубже в трясины.

А комичность этого умозрительного ландшафта, причиной которой и явилась странная улыбка, заключалась в том, что моста между двумя опорами уже не было. Моста, который Роман Константинович строил все эти годы, простыл след. Он не выдержал бурного натиска течения реки жизни. Его снесло этими мощными водами, оставив лишь печальные руины, остатки которых, вдобавок, засасывало всё глубже и глубже. Однако, панораму этих умозрительных развалин освещало и согревало солнце. Солнце, лучи и тепло которого так щедро струились с фотографии милейшей дочки. А значит, что не всё ещё потеряно. Нужно было лишь понять цель оставшейся жизни, её предназначение. И чтобы понять, как и куда идти дальше, по уже оформленному убеждению мужчины, требовалось разобраться, по каким причинам его прошлая жизнь обернулась такой катастрофой.

Глава 2.

Прим. автора: Роман Константинович Смирнов

Испытываю определенные сомнения, а стоит ли приводить в книге, в общем-то, заурядное жизнеописание одного из героев. Пожалуй, что про любого молодого человека сейчас можно написать аналогичный трактат, и ничем он примечателен не будет, а, значит, не дай бог, наведёт на читателя тоску да скуку. И сомнение моё там и кроется, в корне этого неизбежно встающего вечного вопроса: должен ли я засорять внимание читателя всякой, может быть, одному только мне и интересной, дополнительной информацией? Имею ли я такое право? А что, если я отвлеку в этот момент человека от каких-то важных размышлений или, чего доброго, развлечений? И встанет эта информация для него поперёк горла, ни к селу, ни к городу. И получится как в той крылатой уже фразе, что ни то ни сделали, ни это, не удовлетворили ничего. Ну а что, если опустить её? Просто взять и в паре строчек, коротенько преподнести да и дальше двинуться. А может, иному пытливому, типа меня, читателю именно этой информации и недостаточно будет. А я её, вроде как, утаю от него, что тоже не хорошо. Прошу простить меня покорно, но скрывать мне в этой истории уже нечего. Тайн перед читателем у меня никаких нет, не было и не будет. Сложно это для меня, секреты хранить за недомолвками. Да и героям моим, прямо беда насколько вымышленным, огласка, полагаю, не принесёт ни малейшего дискомфорта. Посему, я кое-что всё-таки описать чувствую себя обязанным. Ну а какой недовольный читатель может и пролистнуть страницу-другую.

Итак, возвращаемся к тому разговору, случившемуся между Романом Смирновым и майором милиции, пришедшим на вручение дипломов, как сейчас скажут – хантить персонал. А у разговора этого, к тому моменту, была определенная предыстория. Может быть, если бы её не было, он бы и не состоялся, разговор этот. Но история не терпит сослагательного наклонения. Разговор был. И привела к нему определённая цепочка событий.

Первое, на что стоит обратить внимание, это то обстоятельство, что Роман воспитывался с восьми лет только мамой и проживал с ней в её квартире. Отец Романа ушёл из жизни достаточно рано и внезапно, оставив в подсознании мальчика большую, ничем не занятую пустоту. Об обстоятельствах гибели отца Роман распространяться на людях не любил и лишь коротко

характеризовал это случайной трагической автокатастрофой. И мы тоже не станем расписывать ту историю. С одной стороны, это, в каком-то смысле, может задеть болезненные воспоминания, а с другой стороны, подробности и детали нам не на столь хорошо сейчас известны. Скажем лишь то, что после гибели отца, в доме Смирновых никогда не хранился никакой вид алкоголя, без которого прекрасно обходились даже по большим праздникам. Пожалуй, что – особенно по большим праздникам.

Поэтому, когда Роман отвечал на вопрос милиционера о вредных привычках, он действительно не кривил душой. Да, Роман не курил, как не курил и его покойный отец. Роман старался не употреблять алкоголь вообще, что было очень странно на фоне его взрослеющих и рано слетавших, в этом плане, с катушек сверстников. Не то чтобы Роман чувствовал какую-то невидимую руку строгой стареющей мамы в этом вопросе. Нет, совсем нет. Просто все всё понимали в семье. Роман тоже всё прекрасно понимал и помнил, поэтому, если говорить по-простому – сторонился. Тут, кстати, и мама Романа тоже отдавала себе отчёт в том, что невозможно через давлёнку что-то запрещать или разрешать молодому человеку, у которого уже борода пробивается, только успевай брить. Тем более что каких-либо сомнений в сознательности Романа в этом плане ни у кого не возникало. И в первую очередь, у самого взрослеющего Ромы. В отличие от одноклассников, остервенело рвущихся к подростковой независимости через беспорядочное принятие любых доступных психотропных препаратов, на фоне которых алкоголь, может быть, и не выглядел как-то особенно примечательным, Роман ощущал в себе какую-то глубинную отрешённость от всего этого. Ему словно это было даром не надо. По каким-то причинам, тогда совершенно ему не ведомым, Роман чувствовал, что он как бы взрослее и словно выше всего этого. Может быть, сказывалось то обстоятельство, что роль старшего мужчины в семье Рома примерил на себя давным-давно, и для него не стояла задача казаться взрослым. Его и так в семье воспринимали как взрослого, считай с восьми аж лет.

И не то, чтобы Роман был совершенно, что называется, сухой. Нет, он мог, конечно, поддерживать приятелей по действительно важным поводам, но без усердия в этом плане, и даже с каким-то сожалением. Свою меру он понял в первый же раз и больше её не перебирал. Конечно, такое особенное отношение к спиртному, совершенно не свойственное для его социально-возрастной группы местных сверстников, не могло остаться без внимания. Не курящий и не испытывающий потребности в шатании пьяным по подъездам подмосковных пятиэтажек подросток какое-то время был объектом едких насмешек и забористого стёба, особенно со стороны подвыпивших, размалёванных и не по годам распушенных сверстниц. Однако время шло, и Роман не проводил его даром, наращивая и развивая не только природные и достаточно высокие интеллектуальные способности, но и физическую форму. А это с каждым годом всё больше и больше бросалось в глаза, чем само по себе снижало количество издёвок, которые заменились частично завистливыми высказываниями друзей и мечтательными, как бы невзначай брошенными, фразами подруг. В общем, из «маменькиного сынка» Роман потихонечку превращался скорее в «какого симпатичного хорошего мальчика». И хотя Роман этого сам и не слышал, но девочки про него так и говорили – «завидный жених».

Уже к моменту окончания школы, когда добрая половина одноклассников представляла из себя жалкое пропито-прокуренное и потрепанное жизнью сборище девиантных социальных элементов с аттестатами, похожими на справки, Роман, напротив, выделялся высоким ростом, крепким телосложением и широким лбом над приятным лицом, который демонстрировал наличие определенного интеллекта у его хозяина. Да, может быть, и не хватило ему чуть-чуть до медали, но здесь сложно судить молодого человека за недостаток усердия в учёбе. Ведь всем мальчишкам свойственно преобладание игровой мотивации над образовательной. Порой, хочется разменять домашнюю работу на то, чтобы просто погонять с друзьями в хоккей или футбол по хорошей погоде. А начиная со старших классов, список мальчишеских интересов Романа претерпел ещё и возрастные изменения. Пришла любовь. Первая и, как потом

окажется, важная любовь в его жизни. Всё это создавало давление на процесс обучения, сказываясь на оценках, в которых стали появляться и неудовлетворительные.

И тут дело даже не в безответственности, наверное. Кто знает, где этот баланс между интеллектуальным, физическим и социально-эмоциональным развитием у мальчишек? Ведь у каждого он по-разному определяется. Здесь, дело в другом. Была в характере нашего героя ещё одна, малопримечательная на первый взгляд, но очень важная особенность. Может, это какое природой заложенное качество, а может, что-то приобретённое, кто знает. Однако эта черта как раз в то время и начала давать о себе знать. Романа по жизни словно несло по течению. Ему будто бы нравился этот предсказуемый поток жизни-реки, и молодой человек, за определёнными исключениями, совершенно не противился или не пытался как-то повлиять на развитие событий. В любом случае, своими волевыми качествами, тем самым мужским внутренним мускулином Роман пользоваться пока не умел. А может, и знать не знал, что это за состояние такое и как им распоряжаться. За высокой и крепко сбитой юношеской фигурой, умным и располагающим к себе с первого взгляда лицом и сравнительно не плохими успехами в школе скрывалась какая-то безынициативность, склоняя баланс морально-волевых качеств парня изрядно в сторону моральных.

Мешало ли это обстоятельство своему хозяину тогда? Да конечно же, нет. Полагаем, что Роман даже и не задумывался, что с момента выпуска из школы, начинается его взрослая жизнь. Та жизнь, где мужчина, по идее, должен самостоятельно принимать решения, воплощать их в жизнь и нести за них ответственность. Однако ответственность – это же большой груз, тяжелый камень, и тягать его за собой по течению жизни-реки может быть сложно. Поэтому камни в воду, река обходит валуны своим течением, не трогая их. Вода же не злится и не протестует, что ей предложено течь по извилистому и испещренному препятствиями рельефу. Она спокойно и молчаливо принимает любую предложенную ей форму русла или сосуда, куда ее запихнули. Вы слова плохого от воды не услышите за узкую бутылку или крутой порожистый перепад. Роман плыл по реке. Он был частью этой реки, волной на ее поверхности, и, скорее, на подсознательном уровне, принимал предопределённый характер направления своего течения.

Но время неумолимо подводило юношу к тому Рубикону, где от него требовалось принять собственное решение о том, в каком направлении дальше плыть. И это подошедшее время озвучило как-то раз свой вопрос устами мамы.

– Сынок, ты уже решил, куда пойдешь учиться после школы? – задала она вопрос, рассматривая новенький аттестат сына на кухне и отхлёбывая чаю.

– Мамуль, слушай, думаю пока. Не решил ещё, – ответил Рома, немного испугавшись от плановой, но вместе с тем, всё же, внезапной постановки такого вопроса. – Димка предлагает в Москву поступать, в высшую школу милиции.

– Ну, Диме, должно быть, нравится эта идея, – глядя спокойно в глаза сына продолжила мама. – Но мне-то важно твоё желание услышать. Ты-то сам куда хочешь поступать?

– Мам, давай не сейчас, а? – брякнул в ответ Роман и стал спешно куда-то собираться. – Есть ещё время подумать. А сейчас мне в школу надо, мы с классом в поход планируем пойти.

И молодой человек выскочил из квартиры пулей, так громко и быстро открыв входную дверь, что чуть было не пришиб стоящую на лестничной клетке соседку.

– Извините, тетё Тань, – бросил ей Роман, скача вниз по лестнице через две ступени.

Не то чтобы ему так срочно надо было лететь в школу. Скорее, ему нужно было время прийти в себя и осознать, что в его жизни что-то системно поменялось. И мама ждёт от него его же личного решения. Нет, Роман и не планировал возлагать на маму обязанность определить для верзилы-сынули траекторию дальнейшего движения. Он, безусловно, отдавал себе отчёт, что решить он должен самостоятельно. Но он не мог это сделать. Не мог. Он просто не умел принимать такие решения. Ведь для того, чтобы, как говорится, определиться по жизни,

надобно от чего-то оттолкнуться. А от чего? Какими-то особыми, по его мнению, предрасположенностями к тому или иному направлению обучения Роман не обладал. Да, приходил в школу пару раз психолог, они сдавали тесты на профориентацию, и тест Романа показал предрасположенность к гуманитарным наукам, а именно к географии. И что? Что это могло бы значить для него в реальной жизни? Роман не знал никого в городе, кто бы мог зарабатывать себе на хлеб географией, за исключением, разве что, Бориса Сергеевича, учителя по этому предмету, который, правда, вынужден был совмещать преподавание с другими дисциплинами, беря на себя нагрузку и по географии, и по истории, и экологический факультативный кружок. Но Борис Сергеевич отнюдь не выглядел успешным человеком. Он и счастливым-то не выглядел, холостячки делая в свои сорок восемь лет квартиру с собственной старшей сестрой и её семьёй, от чего психика географа была настолько подвижной, что срывы на учеников во время урока были для педагога-гуманитария обычной практикой. Бывало, что и ключами кидался.

В общем, с получением аттестата об окончании средней школы, перед Романом встал вопрос о будущей профессии. Поэтому, при полном отсутствии внутренних убеждений и желаний, ведь, по большому счёту, Роману было не столь принципиально куда поступать, он сосредоточился на поиске внешних маяков. Знаков, так сказать. Лучший друг хочет поступать на юридический факультет, в школу милиции, в Москву. Ага, юридический, милиция, Москва. Ну, что ж, юрфак – это, пожалуй, не плохо. А вот милиция – вряд ли.

Москва... А вот тут вопрос. Осознание ответственности перед мамой, здоровье которой годы подкашивали всё сильнее, не могло просто так раствориться в пространстве и ни на что не влиять. Жить в общежитии в Москве, вдали от матери, или ещё хуже – мотаться каждый день на учёбу на лунных электричках, бегая по битком забитым сонными людьми вагонам от контролёров, такие перспективы не радовали Романа никоим образом. Плюс, любовь. Молодое и острое чувство влюблённости между Романом и его девушкой, которое всецело завладело юными сердцами, также не позволяло даже подумать о разлуке. Она хотела остаться учиться в городе. А из высших учебных учреждений в нём был только один институт, выдающий, как филиал большого московского института, красивые и достойные дипломы с круглой столичной печатью. Факультета на нём было только два: финансовый и юридический. Она хотела поступать на финансы, так как считала, что у девочек там больше шансов.

Поэтому, по совокупности влияющих факторов, Роман и решил подавать документы на юридический, в своём городе. Во-первых, это рядом с любимой девушкой, но не так близко, чтобы соревноваться в знаниях и успехах. Во-вторых, это рядом с мамой, в том же городе, можно сказать, на соседней улице. И в-третьих, Димка, чтобы подстраховаться, решил подавать документы в два места: в школу милиции в Москве и в местный институт, вместе с Романом. То есть, все необходимые знаки в одном месте. Туда и надо плыть.

Вступительные экзамены были успешно сданы. Роман был зачислен на юридический факультет, его девушка – на финансовый. Димка же, не пройдя по конкурсу в Москву, но набрав необходимое количество баллов для поступления в местный институт, тоже решил продолжить обучение в родном городе. По этому большому поводу, в маленькой, но очень уютной квартирке Романа, его мама накрыла большой праздничный стол, где друзья и отметили начало нового жизненного этапа.

И Роман поплыл. Школьная любовь после поступления в институт как-то быстро и незаметно притупилась и прошла. Для Романа она, опять же, устранилась сама собой, то есть не по его инициативе. Ну, не надо и не надо. Молодой человек не испытывал каких-либо комплексов, связанных со своей внешностью или привлекательностью. Да, проявлять активные действия по поиску второй половинки Роман был не готов, ведь он просто плыл. Но, обладая достаточно приятной мужской внешностью, Роман не чувствовал себя обделённым женским вниманием. Напротив, его отчасти оно тяготило, ведь приходилось регулярно подбирать деликатную форму, как дать понять девушкам бесперспективность их усилий. Искать своё счастье мето-

дом постельного перебора Роману не хотелось. Возможно, давало о себе знать уважительное отношение к маме и бабушке. А может быть, стесненные параметрами жилплощади небольшой двушки условия. Или, может, ещё что-то. Но к достоинству молодого человека можно было отнести то, что он пытался нащупать за внешней яркой девичьей формой ту самую суть, которая бы его роднила с избранницей.

Годы шли, количество отвергнутых девушек давно перевалило за средний показатель по социальной группе, и за Романом закрепился имидж парня-недотроги, нерешительного и безынициативного. Симпатичного, но не опасного, что ли. Короткие романы не приводили к длительным отношениям и прекращались, в основном, спокойно и по инициативе прекрасной половины. Ну, опять же, на нет и суда нет, не больно-то и надо. Главное, не навреди. А, раз не ты принимаешь решение, то и навредить не можешь. Какой с тебя спрос? Да никакого.

Так, к выпуску с юрфака, а, значит к необходимости принятия решения о трудоустройстве, Романа снова принесло течением. Единственное, что качественно изменилось, скорее, кристаллизовалось – мировоззрение молодого человека. Если до этого он не понимал, почему ему бывает иногда неудобно перед людьми за свою безынициативность, то к моменту окончания института у Романа сформировалось четкое понимание, что жизнь – это река; процесс, а не результат, и всех нас несёт по течению. Что может сделать человек? Может ли он изменить направление движения реки, повернуть реку жизни вспять, сопротивляться? Нет, это и не возможно, и глупо. Пока ты плывёшь, ты можешь, разве что, берега подремонтировать у реки, мусор собрать, накормиться да и всё, пожалуй. То есть, Роман придумал оправдание своему спокойному и безвольному характеру, описал его себе в философских терминах и сам во всё это поверил, придав своей особенности глубокое значение. Получился эдакий половозрелый и образованный созерцатель жизни. Плывун.

Сомнений не было. Раз совершенно случайный и незнакомый человек предлагает Роману трудоустройство – это знак. То, что это трудоустройство в полицию, а тогда ещё милицию – отягчающий фактор, но знак от этого не менее заметный. Требуется лишь осмотреться по сторонам, так как внутренней потребности что-то совершать, делать, бороться и достигать у Романа снова не было. А из внешних факторов, по уже выученной модели, надо было приглядеться на маму, друзей и подруг. Постоянной подруги у молодого человека на тот момент на горизонте не маячило, как и не было той далёкой зазнобы, за которую имело бы смысл бороться на дистанции. Мама представляла из себя спокойную и предсказуемую тихую гавань, так как её никак не беспокоило то, что у повзрослевшего птенца совершенно отсутствует мотивация выпорхнуть из родимого гнезда. Наоборот, перспектива разлуки с сыном у мамы вызывала большое щемящее чувство, напоминающее об одиночестве, поэтому она бессознательно, как это делают многие мамы, формировала у сына систему страхов перед бессердечным и злым внешним миром большого города, где молодые специалисты с высшим образованием вынуждены подметать улицы. Но самое главное, Димка, давно мечтавший о карьере в органах, похоже решил идти на встречу с майором уже в понедельник. Всё снова сложилось для Романа один к одному. Само собой поступило предложение. Мама против не будет. А вдвоём с Димкой в учебке будет гораздо проще. Река несёт.

Глава 3.

Отделение полиции.

Западный административный округ.

Москва. Начало мая.

Где-то три года назад.

В кабинет Романа Константиновича Смирнова, без стука, но с шумом, вошёл живот начальника отделения, а потом его остальная часть, держащая в руках новенькую и пока ещё тонкую папку с документами.

– Здравия желаю, Роман Константинович, – штатно поприветствовал следователя начальник. – Как у вас дела? Гляжу, вы тут обживаетесь потихоньку.

– Здравия желаю, Станислав Анатольевич, – так же без эмоциональной окраски ответил капитан Смирнов, отставив в сторону фотографию дочери и привстав со стула. – Да, спасибо, вчера ребята компьютер установили, телефон наладили.

– Отлично. Значит, пора приступить к службе. Вот я вам первое дело принёс, для разгона, так сказать. И вы разомнётесь, и нам будет понятно, какой квалификации специалист поступил к нам в распоряжение. Держите.

И тучный подполковник протянул капитану папку-скоросшиватель, приняхиваясь к специфической атмосфере затянутого табачным дымом кабинета.

– Роман Константинович, вы бы поменьше в кабинете курили, – с неодобрением произнес начальник, подавая подчинённому папку. – Я, хоть и сам курильщик со стажем и не особо строго за это спрашиваю, но всё же рекомендую вам дымить во дворе.

– Я не курю, Станислав Анатольевич. Совсем, – отрешённо ответил капитан, и, отклонившись на спинку шаткого стула, откинул рукой штору, представив перед взором начальника едкое облако за окном.

– А, эвон оно как, – ни сколько не смутившись парировал начальник. – Надо распорядиться, чтобы вам окно поставили в планы по замене. Напомните мне, пожалуйста, в конце месяца. Не забудете?

– Спасибо, Станислав Анатольевич, не забуду, – ответил Роман Константинович и отпустил штору. – Дело принял в работу, начну сегодня же изучать.

– Да, начинайте. Как будут вырисовываться основные детали, приходите с докладом. Дело, на мой взгляд, понятное, простое. Как раз для начала сойдёт. Честь имею.

И подполковник развернулся и пошёл к выходу.

– Чёрт, как же я разкабанел-то, – промычал начальник в усы, похлопав себя ладонями по животу перед зеркалом.

– Честь имею, – донеслось с места капитана уже вслед уходящему по коридору начальнику.

Роман Константинович положил папку перед собой, сел поудобнее и ещё раз взглянул на родное, улыбающееся ему с фотографии, личико.

– Извини, солнышко, что я тебя тут в прокуренном помещении держу, – прошептал он фотографии. – Но всё будет хорошо, папа тебе обещает. Вон, видишь, дядя приходил, сказал, что нам с тобой окошко поменяют скоро. А там, потихоньку, и остальное как-то образуется. Папа тебя очень любит, не забывай это, пожалуйста. А теперь папе пора поработать. Отпускаешь папу? Спасибо тебе, солнышко моё.

С этими словами Роман Константинович поставил фотографию дочки боком в направление к горшочному растению, взял в руки папку и открыл её. Не прошло и минуты, как мужчина, захлопнув папку, с ужасом швырнул её на стол и закрыл лицо ладонями.

– Твою мать... – гулко раздалось из-под сомкнутых в оцепенении на лице рук оперативника. – Господи, твою же ма-а-а-ть...

Локти мужчины опустились на стол, и, скользя по ладоням, голова сползла между рук, упершись лбом в столешницу с характерным глухим стуком. Под сомкнувшимися над головой руками капитана было не заметно, как искривилось в гримасе его лицо и широко раскрылся, словно в истошном беззвучном крике, рот.

– Мамочки мои, за что? – прохрипел мужчина в столешницу, судорожно подрагивая всем телом. – Димка, за что?!

Что-то исключительно болезненное предстало вниманию капитана со страниц раскрытой папки. Что-то острое и колющее ранило его в самую глубину души, после чего сдержаться было уже не возможно. Рыдающий навзрыд оперативник так и не заметил, что в приоткрытую дверь его кабинета заглядывают проходящие мимо коллеги и посетители. Всё его сознание было сосредоточено глубоко внутри самого себя, пронося его в ту минуту сквозь события последних месяцев его разорванной в клочья жизни.

Память возвращала мужчину к тому разговору на даче у друга.

Дача Дмитрия в подмосковном садовом товариществе. Дмитрий волоком тащит туда Романа, не особо церемонясь с ним. Роман не упирается, а просто безвольно тащится, падая и вставая. Дмитрий поднимает упавшего друга, трясёт его за плечи, но в обезумевших глазах Романа стоит такая бездонная пустота, от которой Дмитрию глубоко не по себе и становится страшно. Ноги Романа не слушаются, заплетаются, тело обмякает. Слышно, как Дмитрий пыхтит, рычит и цедит сквозь зубы.

– Не, друг, я тебя всё равно дотащу, хочешь ты, сука такая, или нет. Русские на войне своих не бросают. Вставай, скотина! Ромка, вставай! Падла, что ж ты тяжёлый такой.

Опустив обмякшее тело Романа на диван, Дмитрий бежит по даче, что-то включает, и в помещении становится светло и, потихонечку, теплее. Достав из холодильника бутылку водки, Дмитрий наливает два больших гранёных стакана и ставит их на журнальный столик перед диваном, проливая по дороге добрую часть их содержимого трясущимися от перенапряжения руками.

– Пей, Ром.

– Я не пью, Дим.

– Я тоже не пью, Ромка, но надо. Сейчас надо. И тебе и мне. Пей!

Дмитрий берёт Романа за нижнюю челюсть и вливает ему в горло всё до дна. Роман сперва упирается, хрипит, но, понимая, что друг от него не отвяжется, морщась от каждого глотка, начинает пропускать в себя прозрачную и резко пахнущую спиртом жидкость. Убедившись, что всё лекарство попало в друга, Дмитрий залпом опрокидывает свой, наливает снова и подаёт уже в руку Роману второй стакан.

– Между первой и второй перерыва нет вообще. Пей.

– Дим, твою мать, чего ты от меня хочешь?

– Да так, Ром, разговор к тебе есть. Пей, сказал! Во-от. Огурец дать? Нет. Ну, захочешь, попросишь. А теперь говори, ты чего, друг, творишь?!

– Дим, ты здесь ни при чём.

– Рома, а вот я считаю, что я, твою маму, очень даже при чём! Повторяю свой вопрос – ты чего творишь?!

– Да какое твоё дело, Димка? Это моя жизнь!

– Ах, какое моё дело?! А я тебе, друг, скажу, какое моё дело. А дело моё, твою маму, в том, что я тебя своим другом считаю. И не просто другом, а лучшим другом. Лучшим. Другом, который меня вытащил когда-то из самой жопы жизни, из самой её трясины!

– Чего ты придумываешь? Ничего я такого не делал.

– Делал, Ромка, делал. Сам того не понимая, делал. Я ж рос болявым и болезненным, у меня в школе даже погоняла только одна была «болявый Иисус». Ни отца, ни деда, ни друзей, никого, кто бы поверил в меня, защитил. Ни одна баба в мою сторону смотреть не хотела, на болячки мои диатезные по всей роже. И был бы я самым чмырым на свете задротом, если бы в девятом классе не перевелся бы к вам в школу и не встретил тебя.

– Чего ты мне про отца своего сочиняешь? Ты-то как раз с отцом рос всю жизнь.

– С отцом, говоришь?! Ты это ему скажи, напхни этому алкашу, что его зовут Василий, а отчество у старшего сына, моё отчество – Сергеевич! И что ни один из его остальных троих детей не носит его отчества. И что записаны они все, блин, просто на добрых людей, кого мама

только упротить смогла, а не на родного папку. Потому-что папка родной – говно, грозившее выкинуть маму с детьми из своей квартиры, если она в свидетельствах о рождении укажет его данные. И ему как было насрать на жену и детей, так и до сих пор глубоко насрать.

– Дим, я тебя не понимаю, чего ты мне этим хочешь сейчас сказать?!

– А я хочу сказать тебе, дружище, что если бы ты тогда в меня не поверил, не протянул бы мне свою руку, то я бы окончательно сам веру в себя потерял к чертям собачьим. Смысл бы своё человеческое достоинство в унитаз и пошёл под «волокушу» бросился. Поэтому, хочешь ты или нет, а для меня, в глубине души, ты был тем человеком, который мне глоток воздуха дал в самый сложный момент жизни, когда её ценность для меня не представляла уже никакого значения. И я ухватился за эту соломинку. И благодарен тебе безмерно. И буду благодарен по гроб жизни. Именно поэтому мне ни хрена не безразлично, чего ты сейчас чудишь. Я вижу, что тебе так хреново, как, может быть, никому на свете. И, хочешь ты, или нет, а я имею полное право тебя спросить за это и плечо своё подставить. Усёк?

От эмоционального диалога, или под действием второго стакана водки, у Дмитрия на глазах показались крупные слёзы, скатившиеся по небритым щекам за ворот белой форменной рубашки. Дмитрий и Роман смотрели друг другу глаза в глаза, и на нижних веках Романа непроизвольно выступили такие же крупные солёные капли.

– Димка, дружище, ты сам не понимаешь, что ты говоришь! – глотая комок и практически рыдая, прокричал другу Роман. – Чем ты мне можешь помочь? Главное – как, Дим? Если друг у тебя дурак такой? Вот чем? Ты мой брак с Машей восстановишь, который я сам и пустил под откос своими руками? Ты время назад можешь отмотать? Ты Катю и маму мою сам будешь лечить?

– Ромка, я не волшебник. Я просто человек, который считает тебя своим лучшим другом и который тебя сегодня, под свою ответственность из изолятора вытащил. Какого хрена, товарищ майор, ты на подследственного залез?! Ты же его чуть не задушил насмерть, кадык ему проломил, кожу порвал на горле.

– Тебе меня судить, товарищ полковник, да?! Тебе? – вспыхнул ожигающим потоком не пойми откуда взявшейся едкой злости Роман. – А ты обрывки колготок своей дочки видел на бампере внедорожника, в крови?! А ты видел, полковник, как из маленьких белых поломанных ножек, твоих родных ножек, торчат через прорезы здоровенные металлические штыри? А ты видел, друг, лицо ребёнка в моменты болезненных медицинских процедур? Знаешь ли ты, Дима, что детки кричат в такие моменты? Они кричат, Дима, что им очень, очень-очень больно. И зовут, Дима, маму и папу! Мамочку, Дима, и папочку! А знаешь, почему это всё? Потому что такие вот скоты пьяные гоняют по улицам и им абсолютно по фигу, кого они собьют. Им вообще всё по фигу. Ты меня за что хочешь осудить-то, я не понимаю? Что я его, ублюдка, в кутузке нашёл и сам, своими руками порешил?! Да-к я в ста случаев из ста так поступлю и даже глазом не моргну. Благодаря таким, как ты, таким сознательным, которые меня оттащили, эта свинота будет теперь жить и радоваться жизни каждый день. И ему абсолютно насрать, что он ноги перебил моему ребёнку, что если они теперь неправильно срастутся, то их ей заново будут ломать, что мама моя с травмами и инфарктом в больнице, что моя жена после этого случая прокляла меня и всю мою семью, подала на развод и запретила мне и маме даже близко приближаться к дочке. Этому утырку будет всё равно. А его профессиональные адвокаты так его на суде отмажут, что ещё не понятно, кто кому окажется должен в итоге. Я не прав, товарищ полковник?! Я, твою мать, где-то не прав?!

Последнюю фразу Роман прокричал другу уже в истерическом исступлении, и, обессиленный, уставился остекленевшим взглядом в пустоту небольшой комнаты садового рубленого домика. Даже не пытаясь утирать капающие градом горячие капли с неподвижно застывших, не моргающих глаз, убитый горем мужчина зажал ледяные ладони между ног и стал раскачиваться взад-вперёд, словно в трансе, плача и повторяя, как заклинание, одни и те же слова.

– И он, сука, даже не остановился. Даже не остановился. Даже не остановился...

По всему было видно, что сбивчивый и эмоциональный рассказ друга, каждое его слово, предлог или междометье, каждая его пауза между словами припечатывали шокированного Дмитрия к дивану диким ужасом понимания произошедшего. Мучительно взыв, он подсел к качающемуся в прострации другу, опустился перед ним на колено, схватил здоровенной шершавой ладонью за затылок, и, упершись лбом в лоб друга, простонал.

– Ромка, прости меня... Ромка, только прости меня. Богом молю, прости. Я не знал ничего. Мне ребята знакомые из дежурки позвонили и сказали, что ты к какому-то хрену в обезьяннике на шею бросился и стал ему горло голыми руками рвать с таким остервенением, какого мои бойцы даже от рецидивистов никогда не видели. Сказали, что ты, похоже, с катушек слетел. А что, куда, почему, я ж не знал ничего, Ромка, ей-богу ничего не знал. Я же не знал...

– Теперь знаешь, – безразлично ответил Роман, глядя сквозь глаза друга в пустоту. – И чего?

– Ты меня не обижай, Ромка, – очень болезненно восприняв ледяной ответ Романа, прорычал ему в лицо Дмитрий. – Не обижай. Не гневи бога. Ты меня сам выбрал, сам попросил Катеньке крёстным быть. Да, может, и не получилось у нас с Леной ещё детишками разжиться, бог не дал пока, просим, надеемся. И не знаю я, как детишки папку и мамку зовут, не прожил ещё этого. Но ты меня этим не обижай, друг. Я Катюшу за свою родную считаю. Я тебя с Машей за своих родных считаю, да за таких родных, что поближе иной кровной родни будут. Я за Катеньку кому угодно горло перегрызу, ты меня знаешь. Вцеплюсь бульдогом намертво, что хоть режь меня на ремни, не выпущу. Я просто ничего не знал. Ты можешь мне нормально объяснить, по-человечески, как всё произошло?

– Водочки налей мне, Дим, – обняв друга за плечи и захлёбываясь слезами, прошептал Роман. – Это ты меня прости. Это моя вина, я виноват...

– Держи, Ромка, держи. Пей. На тебе огурчик, Лена закрывала по лету, свойский, солёный. Ешь, родной, ешь. И я с тобой, – выпив залпом полный стакан, Дмитрий схватился за рот ладонью, словно не пуская горькое содержимое обратно и, проглотив, проревел в кулак. – Господи, горе-то какое...

– Похоже, я виноват, Димка. Всё из-за меня...

– Рома, ты ни в чём не виноват!

– Виноват, Дима, виноват. Их там вообще не должно было быть. Мамы с Катей, – немного успокоившись и вытерев слёзы, произнёс Роман. – Мама уже старенькая, а Катюха шустрая, тяжёлая. Мама вела её из садика домой. А Катя на пешеходном переходе вырвалась от мамы и понеслась, чтобы быстрее бабушки дорогу перебежать. Соревновалась она так с бабушкой. А эта сволочь пьяная, по встрече, решила ждущие перед переходом машины обогнать. Мама успела в последний момент Катюшу толкнуть из-под подлетающей машины, и только это спасло, а то бы подмял он её, перемолол бы своим гробом на колёсах. Мама с черепно-мозговой, переломами руки и инсультом в больнице. Кате в госпитале в ножки какие-то штифты вкрутили, чтобы ноги правильно срастались. Я приехал туда, а там Маша. Вцепилась мне в лицо ногтями, визжит, царапает в кровь. А я стою, как истукан, на дочку гляжу, как она мучается, бедная, и поделать ничего не могу. Никак я ей, Дима, помочь не могу. И от этого скотского состояния, когда ты бессилен защитить своего ребенка, облегчить его страдания, невозможно дышать. А Маша дубасит меня своими кулачками, как боксёрскую грушу, орёт на меня, что это всё я натворил. Что как мне только в голову взбрело маму просить Катю из садика забрать? Почему я сам за ней не поехал, ведь она именно меня просила, а не маму. Она меня лупит, царапает, кусает, словно всю накопленную за годы жизни со мной злость и ненависть спускает, а я стою и пошевелиться не могу, слова ей никакого в ответ сказать не могу. Нет слов. Виноват по всем фронтам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.